

Петер Тирген

ОБЛОМОВКА КАК АНТИ-ИТАКА: АРХЕТИП ОДИССЕЯ В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. ГОНЧАРОВА

Предмет статьи – гомеровские проекции в романе «Обломов» и творчестве И.А. Гончарова в целом. Для писателя было чрезвычайно значимо усвоенное из знакомства с античной литературой противопоставление деятельного, просвещенного и самостоятельного человека человеку пассивному, равнодушному к знанию и свободе. Архетип разумного, энергичного и никогда не сдающегося мужа, воплощенный в Одиссее, стал ориентиром при создании «Фрегата “Паллада”» и образа Штольца в «Обломове». Противоположностью ему выступил образ Обломова. Гомеровские проекции выявляются в статье на фоне русской рецепции «Одиссеи» и ее перевода В.А. Жуковским, а также традиций романа воспитания.

Ключевые слова: Гомер, «Одиссея», И.А. Гончаров, «Обломов», «Фрегат “Паллада”», архетип Одиссея, проблема воспитания, роман воспитания.

*Посвящается памяти
Александра Сергеевича Янушкевича*

Услышав просто «поэт», ты поймешь, что
имеется в виду Гомер.

*Сенека. Нравственные письма к Луцилию.
Письмо LVIII*

Мир велик, но родной дом каждого мал.

*Гёте – герцогу Карлу-Августу
11 октября 1781 г.*

Один из постулатов литературной критики гласит: масштабы литературных персонажей прямо пропорциональны тем препятствиям, которые они должны преодолеть. Над этой максимой стоит задуматься.

маться. Каковы масштабы фигуры Обломова, которого в заключительной части «Сна Обломова» повествователь уподобляет «экзотическому цветку в теплице», лелеемому безупречно-ложным воспитанием, так что позже «события его жизни уменьшились до микроскопических размеров» [1. С. 97, 141]? В соответствующей статье толкового словаря читаем: выражение «тепличный цветок» употребляется применительно к «хрупкому, изнеженному человеку, не приспособленному к жизни (в результате условий воспитания и быта)» [2. С. 355].

Несколько ранее об Обломове говорится: «<...> цвет жизни распустился и не дал плодов» [1. С. 62]. Это может быть ассоциативной отсылкой к Евангелию от Матфея:

По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак по плодам их узнаете их (Мф. 7, 16-20).

Божественная справедливость судит человека «по плодам дел его» (Иер. 17, 10), поскольку «плод добрых трудов славен, и корень мудрости неподвижен»¹ (Прем. 3, 15). Однако Обломову суждены «прозябание» и «увядание», а к концу жизни – «ленивое переползание изо дня в день» [Там же. С. 485], заканчивающееся медленным угасанием в ползучей смерти. Змей-искуситель был изгнан из рая и обречен ползать и глотать пыль: «ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей» (Быт. 3, 14). В жилище Обломова все покрыто пылью; лень (уныние) – один из семи смертных грехов.

Тем не менее вопрос, принесла ли жизнь Обломова какие-нибудь плоды или не принесла таковых, является дискуссионным. В маленьком мире Агафьи Обломов стал катализатором смысла жизни. Антропоним «Агафья *Пшеницына*» ассоциативен библейскому образу-символу «пшеничного зерна» (Ин. 12, 24). Для Ольги, и прежде всего для проникнутого духом времени сегодняшнего читателя, Об-

¹ Немецкий перевод этого стиха отличается от русского синодального, ср.: «wer sich recht müht, empfängt herrliche Frucht», т.е. «тот, кто истинно трудится, получает добрый плод». – *О.Л.*

ломов – напоминание о том, что от самоконтроля, от обязанности быть деятельным и от ответственности ни в коей мере не освобождают даже возможные на жизненном поприще расслабленность и невольная вина. «Плодом» можно счесть и свойственное Обломову принципиальное сознание того, что он следует неверным жизненным путем, в результате чего лейтмотивами его образа становятся угрызения совести, «в сотый раз» подступающее раскаяние [1. С. 248], «холодные слезы безнадежности» [Там же. С. 474] и проклятия самому себе [Там же. С. 97]. Запоздалое раскаяние может потребовать больше энергии, чем предусмотрительное воздержание от порока. Симпатизирующие Обломову и, следовательно, руководствующиеся не разумом, а чувством апологеты гончаровского героя часто подвергали сомнению мораль истории жизни Обломова как истории краха – однако следование одного человека жизненному принципу «расслабленности» бывает возможно только за счет кого-то другого. Ниже мы попытаемся осмыслить историю краха Обломова на фоне поэмы Гомера «Одиссея».

1. 1849 год: «русская Одиссея» Жуковского

В марте 1849 г. Гончаров опубликовал «Сон Обломова» в изданном журналом «Современник» «Литературном сборнике с иллюстрациями» с указанием, что это – «Эпизод из неоконченного романа». Заглавие «Сон Обломова» сохранилось в качестве единственного названия главы и в более позднем дефинитивном тексте романа (Ч. I, гл. 9) [Там же. С. 98]. Незадолго до того появился в печати первый роман Гончарова «Обыкновенная история» (отдельное издание – в 1848 г.) (см. об этом: [3]). В эти годы Гончаров находится в начале своего творческого пути. Он начинает с «обыкновенных» сюжетов повседневной русской жизни, однако с необыкновенной прозорливостью уже тогда поднимает проблемы воспитания, образования и жизненной позиции. До «Сна Обломова» в русской словесности (и не только в изящной) не существовало более тонкого и в то же время беспощадного анамнеза такого «становления» личности, которое приводит к человека жизненному краху. Зло неправильного воспитания – отсутствия воспитания, – как считает Гончаров, в России стало будничным, привычным и почти банальным. Параллельно он задается вопросом, насколько эта «злая повседневность» может

освободить от ответственности или хотя бы частично оправдать взрослого героя романа. Начиная с какого времени (возраста) моральный долг самовоспитания и нравственная ответственность за самого себя должны доминировать в человеке? Эта морально-дидактическая проблема прочно встроена в парадигму во многом синонимичных оппозиций странствователь–домосед, просвещение–обскурантизм, целостность–фрагментарность, наконец, Европа–Азия. Или, другими словами: Итака–Обломовка.

В эти же годы, когда Гончаров начинает свой творческий путь, другой русский писатель, по его собственным, словам увенчивает свою жизнь в литературе «монументальным трудом» [4. С. 48]: через несколько месяцев после «Сна Обломова» в печати появляется долгожданный перевод «Одиссеи» В.А. Жуковского. Именно он, а не строго раскритикованный славянофилами «Сон Обломова», стал для современников – и не только в России (ср., напр., Фарнгагена фон Энзе) – литературной кульминацией года.

Начиная с 1842 г. Жуковский с некоторыми перерывами работал над своим переводом в Германии (Дюссельдорф, Франкфурт на Майне, Баден-Баден). Источником перевода для него был не греческий оригинал (хотя поэт имел некоторые познания в греческом языке), а целый ряд более ранних переводов поэмы Гомера на русский и европейские языки (в том числе английский перевод А. Попа и прежде всего немецкий перевод И.-Г. Фосса). К тому же он располагал подстрочным переводом, который специально для него выполнил немецкий эллинист Карл Грасгоф (1799–1874)¹. Перевод Жуковского сохраняет метр оригинала – гекзаметр. В период работы над переводом «Одиссеи» Жуковский читал его фрагменты своим посетителям (прежде всего Гоголю, но, кроме того, Тютчеву, Хомякову, Фарнгагену фон Энзе) и регулярно сообщал о том, как продвигается работа, своим корреспондентам в России, в том числе членам царской семьи (с которой его связывала многолетняя служба в качестве воспитателя престолонаследника) и министру просвещения

¹ Здесь и далее факты творческой истории перевода «Одиссеи» Жуковским приводятся по выходящему под редакторством А.С. Янушкевича «Полному собранию сочинений и писем» В.А. Жуковского. См.: [5]. Об использованных Жуковским переводах и подстрочнике Грасгофа: [6. С. 410–418]. См. также: [7. С. 235 и след.].

С.С. Уварову – этот старинный приятель Жуковского был грекофилом, печатавшим свои работы о Гомере. Уже эти факты свидетельствуют о том, какое значительное место занимала «Одиссея» Жуковского в русской духовной жизни той эпохи.

Гомер для Жуковского – «прадед» и «гигант»¹ европейской и, значит, мировой литературы, а перевод «Одиссеи» – одновременно кульминация и венец его собственного творчества. Его «русская Одиссея» должна стать «гробовым монументом» [9. С. 535] его литературного служения России. И не только потому, что Жуковский был вправе гордиться таким подвигом во славу русского поэтического языка, – он видел в поэме Гомера прообраз воспитательного романа, который мог бы стать образцом для соответствующего русского жанра. Гомеровский эпос предлагал поэту простые, но великие в своей простоте примеры деяний, в которых были заключены непререкаемые истины и модели поведения, применимые к собственной жизненной позиции любого человека. Жуковский не принимал того, что он называл мелочностью и ложностью «меланхолии» новейших писателей, и восхищался энергией наивной «первобытной поэзии». Возможно, это противопоставление наивности и меланхолии восходит к шиллеровской оппозиции «наивной и сентиментальной» поэзии и к острой критике аркадской псевдоидиллии у Канта и Гегеля².

Высказывания в письмах Жуковского периода работы над переводом «Одиссеи» постоянно направлены против Молодой Германии, «сумасшедшего Гервега и комп.<аний>», против новейшего «грязного эгоизма» и «всееразрушающего демократизма» «еще не образовавшейся молодежи» [11. С. 449]. После революции 1848 г. он пишет о «красных разбойниках» [12. С. 31] (подлинник по-французски), «парламентных болтунах» и «безнравственной чувственности» [13. С. 373] современной эпохи. Все это бесконечно далеко от «первобытной простоты» [Там же. С. 373] Гомера и особенно «Одиссеи» [5. С. 387; 14. С. 625, 659, 663]. Даже будучи адресованными членам цар-

¹ Ср.: «Около меня и другие тени теперь летают, те, которые к нам вызывает поэзия. Теперь она прикликала ко мне гигантскую тень Гомера <...> хочется перевести ее так, чтобы в моем переводе сохранена была ее прадедовская простота древнего Поэта <...>» [8. С. 91].

² О дискуссиях эпохи по поводу аксиологии и семантики образа Аркадии см.: [10].

ской семьи или министру просвещения, эти мнения поэта о современности свидетельствуют о том, что он не в последнюю очередь хотел видеть в Гомере певца величия простоты и нравственного аристократизма. Жуковский хотел «<...> сделать два издания разом “Одиссеи”: одно для всех читателей, *полное*, другое для *юности* <...>» [5. С. 386; 14. С. 632, 641], с некоторыми купюрами, надеясь, что в этом виде поэма Гомера станет «самою образовательною детскою книгою» [15. С. 662]. По его мнению, «Одиссея» – это превосходная «нравственная и поэтическая пища для наших молодых читателей» [14. С. 670; 16. С. 719]. В поэме Гомера юношество могло бы найти образцовый пример соединения классической поэтики с дидактическим пафосом морального самосовершенствования. Уваров отклонил проект «Одиссеи для юношества» на том основании, что русское юношество вполне способно воспринять и полного Гомера.

2. Проблема воспитания и воспитательный роман

Вопросы воспитания и образования приобрели огромное значение начиная с эпохи государственных реформ Петра I, решительно ориентировавших Россию на опыт западноевропейской культуры. Недостаток школ, университетов и преподавателей, повальная неграмотность, указ о вольности дворянской (1762), освобождавший дворян от государственной службы, и крепостное право, просуществовавшее до 1861 г., сделали отставание России от Европы особенно очевидным. Прежде всего это касалось провинции, т.е. 95% русской территории. К тому же телеология светского образования лишь частично совмещалась с православием. Просветительская идеология распространялась по колоссальному пространству провинциальной России с несравненно большими трудностями, чем по европейским государствам с их развитой городской культурой. И во «Сне Обломова», и в статьях Белинского, и в текстах других русских западников отмечено, что просветительская максима «ученье свет, а неученье тьма» [1. С. 139] зачастую была для России только умозрительно-теоретическим постулатом, а не руководством к действию (см. [17. С. 47, 58–59]). Подобно Илье Ильичу, обитатели Обломовки видят в школьном образовании и в обязанности учить крестьян чуть ли не угрозу, а собственный труд воспринимают как наказание [1. С. 61, 121].

Постоянно расширяющее свои масштабы обращение России в сторону Запада делало этот просветительский дефицит все более ощутимым. Уже высокообразованный и хорошо знакомый с Европой и европейской культурой Антиох Кантемир, русский посол в Лондоне и Париже, ратовал за светское нравственное воспитание в своих стихотворных сатирах. Его сатиры, в сущности, являются просветительскими дидактическими поэмами, о чем особенно наглядно свидетельствует Сатира VII «О воспитании» [18. С. 157–172]. Кантемир видит в воспитании «главную причину» моральных или аморальных поступков и вслед за Горацием, Ювеналом и Сенекой провозглашает свою приверженность античному идеалу *virtus* (добродетели) и *vir bonus* (добродетельный муж). Стабильная система нравственных ценностей с «добрыми примерами», а также труд, открытость миру и образовательное путешествие в соединении с гуманным и внимательным отношением к воспитаннику являются важнейшими тезисами его концепции воспитания. Это относится не только к отдельно взятым учителям и воспитателям, но и к влиянию среды и «обстоятельств». В этих 280 стихах *in nuce* заключена программа воспитания, которую можно интерпретировать как альтернативную модель, противостоящую «обломовской системе воспитания», разоблаченной в «Сне Обломова». Однако вплоть до революции 1917 г. через всю русскую (само)критику красной нитью проходит мысль о том, что для русской провинции эта антиобломовская модель – почти неосуществимый идеал. И русская литература является здесь главным пространством дискуссии: все русские классики, начиная от Пушкина, Гоголя, Чаадаева, чью эстафету подхватили Герцен, Белинский, Тургенев, Достоевский, Толстой *et alii* вплоть до Чехова и Горького, приняли в ней участие. В 1880-е гг. Чехов диагностировал поголовную «невоспитанность» России, ее необразованность и нелюбовь к труду, сопровождаемые «жирным халатничеством». Гончаровского героя он обозвал «обрюзглым лентяем», «натурой не сложной, дюжинной, мелкой» [19. С. 201] (см. также: [17. С. 43]).

Романы о неудачниках или по крайней мере о незавершенных в своем становлении героях известны русской литературе лучше, чем типичные романы идеального воспитания à la «Вильгельм Мейстер». Жанр классического воспитательного романа в России «практически не привился», так что русская литература пошла здесь «особым пу-

тем» [20]. Разумеется, в русском романе очевидны дублирующие структуры с параллельно развитыми контрастными судьбами духовно деградирующих и духовно совершенствующихся героев; в некоторых случаях это приводит к варианту романного сюжета как биографии самовоспитания и духовного роста («Евгений Онегин», «Обломов», «Отцы и дети», «Анна Каренина» и др.). Но судьбы русских романских героев, успешно прошедших путь органичного становления, самоидентификации и обретения своего места в социуме, — это все-таки абсолютное исключение из правила.

Вместо образов «прекраснодушия» и идеалов калокагатии à la Винкельман или Виланд в русском романе доминируют истории заблуждения и утраты, мотивы резиньяции и отречения, сюжеты, повествующие о распаде и разрушении вплоть до полного упадка и вырождения. Дефектное и осколочное существование, бездомность и бесприютность «лишнего человека» регулярно оттесняют личностное осуществление и целостность бытия *vir bonus*. Диагноз неблагополучия на пути становления и просвещения человека берет свое начало в гоголевском разрушении аркадских и романтических мифов и через ужасы гончаровской обломовщины находит свое продолжение в обвинении, брошенном нигилизму Тургеневым и Писемским, в страхе утраты бога и исторической памяти у Достоевского и Толстого, в кошмаре морального банкротства семьи у Салтыкова-Щедрина. Любимым философом России XIX в. был не Гегель, а Шопенгауэр. Умозаключение Гегеля «что действительно, то разумно» не пользовалось в России особой популярностью [21. С. 35; 22]. Из сомнений и утраченных иллюзий проистекают приверженность русской литературы к скепсису и склонность к вопросительным конструкциям (Кто виноват? Что делать? Что есть истина? Когда же придет настоящий день?), которые окрыляли еще ленинский революционный пыл.

Почему над русским романом XIX в. довлеет этот скептический взгляд на человека и общество? Наиболее убедительное объяснение видится в отсутствии (или неразвитости) просвещения и гражданского сознания, индивидуального самосознания и стремления к самосовершенствованию. Соответственно этому, очевиден недостаток философской традиции, правосознания и экономической культуры. При таком положении вещей надежда на истину, добро и красоту вряд ли имеет шансы стать основой национального согласия. По-

добного рода скепсис не был подходящей питательной почвой для гармоничного воспитательного романа и истории становления самосознющего героя. Недоверие ко всему фаустианскому, титаническому, типологически присущему Одиссею пустило глубокие корни.

Эта поначалу справедливая антипатия ко всему «сверхчеловеческому» тем не менее нередко приводила к ошибочному заключению о том, что усердие, динамичная жизненная позиция, стремление к прогрессу и самореализации весьма и весьма подозрительны. Однако не значит ли это выплеснуть вместе с водой и ребенка? Такого рода настроения очевидны и сегодня хотя бы в дискредитации образа героя Гончарова Андрея Штольца. В 1880 г. поклонник Шопенгауэра Афанасий Фет в стихотворении «Ничтожество» перефразировал знаменитую самохарактеристику Мефистофеля: «Я все ищу добра – и нахожу лишь зло» [23. С. 84] (см.: [21. С. 9, 35])¹. Этот стих мог бы стать эпиграфом к текстам многих русских романистов, которые, по меркам западноевропейского и прежде всего немецкого романа становления героя, были своего рода певцами воспитания без воспитательного романа. Эта идея весьма продуктивна и в запоздалых исследованиях, посвященных интересующей нас проблеме: будучи написаны на русском или английском языке, они оперируют термином немецкой теории жанров «Bildungsroman» (роман воспитания) [25, 26]².

3. Архетип Одиссея и *Homo viator*: человек путешествующий

Греческое слово мужского рода *nostos* означает путешествие, возвратный путь, возвращение домой (*return home*). Вокруг мифов Троянского цикла, возможно, в VII в. до н.э. возник эпический цикл мифов, объединенных темой возвращения: «Nostoi». В наше время ностальгией называется многое: тоска по прошлому, по родному дому, меланхоличное уmonoстроение. Поэмой «Одиссея» европейская литература начинается как литература путешествий и поисков пути возврата к родному дому. «Одиссея» создала великий образец исполненного опасностей скитальческого бытия в трезвучии моти-

¹ Ср. самохарактеристику Мефистофеля: «Часть силы той, что без числа // Творит добро, всему желая зла» (пер. Б. Пастернака) [24. С. 50].

² Введение в теорию жанра см.: [27].

вов отъезда, поиска, возвращения как метафоры состоявшегося жизненного пути. Эта же схема легла и в основу мифа об аргонавтах, который предлагает особенно впечатляющий пример неразрывной слитности мотивов риска и вознаграждения в эпизодах плавания через Дарданеллы и крайне опасный Босфорский пролив. Преодоление препятствий трудного географического путешествия, благодаря инициационным и жизнестроительным мотивам сюжета, становится доказательством индивидуального становления характеров героев в успешно пройденном ими испытании на прочность. В этой в конце концов преодолеваемой игре центристских и центробежных, наступательных и оборонительных сил и стремлений положить или переступить границы формируется сильная личность.

В своих исследованиях истории образа Одиссея в античном искусстве археолог Бернард Андреэ акцентировал мысль о том, что этот образ как «прототип европейского человека» является эталоном и высшим воплощением независимой самостоятельности, активности и благоразумия [28. С. 12 и след.]. Эта «образцовая личность» приняла на себя полный груз положительных представлений об энергии, мужестве и жажде знаний [29. С. 17]. Еще раньше Хоркхеймер и Адорно в «Диалектике Просвещения» посвятили гомеровскому герою обширную главу под названием «Одиссей, или Миф и Просвещение», где утверждали, что Гомер создал «основополагающий текст европейской цивилизации» и что в «Одиссее» очевидно одно из самых ранних проявлений «просветительской гражданственности» Европы, сопровождаемое начальными проявлениями «антимифологизма». «Всемирный странник» Одиссей, «погружающийся на корабль», воплощает «достижения упорядочивающегося рассудка» в своей субъективной, но тем не менее умной рациональности, в своем самообладании (эпизод у Острова сирен), в своем стремлении защитить свою собственность и отказе от тусклого прозябания [30. С. 50–87]. Разумеется, странствующий герой, который вынужден стать лукавым, временами должен быть показан как лукавый и в поэме Гомера [Там же. С. 71]. Впрочем, уже Андреэ указывал на известную амбивалентность образа «хитроумного» Одиссея.

Тип «европейского человека» вырастает из мирового опыта «странствующих героев-мореплавателей», древних греков, позна-

вавших мир в своих странствиях [31]¹. Таким образом они осуществляли рекогносцировку, колонизацию новых территорий и культурное созидание – и эта комбинация мифа и реальной истории стала ядерным элементом метафоры *navigatio vitae*, плавания по морю житейскому. «Одиссея» является одним из основополагающих источников этой экзистенциальной метафоры – и, вероятно, важнейшим [32]. Конкретное исследование и гипотетические интерпретации поэмы признали ее одним из самых влиятельных текстов мировой литературы. Более ранняя «Илиада» предложила в качестве «первого слова европейской культуры» другой, тумотический² по своей природе концепт – «героического гнева» [33. С. 9 и след.]. У истоков европейской литературы наряду с моделью эпоса странствий мы видим эталонную модель батального эпоса с основным конфликтом «войны и мира», бесконечно удаленную от не ведающей боли идиллии и обнуляющий пацифизма³. Слотердаек говорит о «счастливой воинственности» гомеровского мира, которая нам – по необходимости или к счастью? – стала совершенно чуждой [Там же. С. 12 и след.].

«Одиссея» не столь воинственна, как «Илиада», но тем не менее и в ней есть это тумотическое начало (расправа с женихами Пенелопы, например). «Святая ярость» Обломова умалется до вульгарной оплеухи [1. С. 445], и это соответствует его существованию как бы в «норке мыши», с редуцированными до минимума обязанностями. Марзаматическая Обломовка и сам Обломов не способны породить

¹ В немецком оригинале статьи – непереволимый каламбур, основанный на том, что слово «Erfahrung» («опыт») и слово «fahren» («ехать, уезжать, отправляться») являются однокоренными; мировой опыт – результат объезжания мира: «Welt-Er-Fahrung». – О.Л.

² Тумос (греч.: θυμος) – животная душа. Тумос означает страсть, пыл, желание и смятение, гнев, негодование и ярость. В таком смысле слово употреблено Гомером, ср. зачин «Илиады»: «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...». Греки считали тумос неотъемлемым условием мужественности. В «Илиаде» и «Одиссее» термин встречается более семисот раз. Греческий философ Эмпедокл называл тумос «вместилищем жизни», а философ Аллан Блум – «центральной природной страстью человеческой души». – О.Л.

³ Обнуляющие (от лат. *ob* – перед, против и *nubes* – облако, *obnubilus* – мрачный, облачный) – легкая степень оглушения. Сознание при этом «затуманивается» и реальность воспринимается как бы сквозь туман. – О.Л.

ни гнев Ахиллеса, ни мореплавательскую страсть Одиссея. Захолустная Обломовка ни в чем не похожа на островную Итаку.

Как уже было сказано выше, обитатели Обломовки не в состоянии воспринять просветительскую максиму «ученье свет, а неученье тьма». Гончаров выделил эту пословицу курсивом [1. С. 139]. Обломовка остерегается любых форм совершеннолетия, препятствует любым попыткам усовершенствовать себя или от себя сбежать. Вместо этого в ней господствуют статика стародедовского обычая, суеверие, враждебное отношение к чужакам и посторонним и диктат привычки – в том числе и привычки к крепостному праву. Просвещению, напротив, свойствен космополитизм *homo mundanus*, гражданина мира, руководствующегося идеалами прав человека и стремящегося к энциклопедическим знаниям, самостоятельного и дальновидного, одержимого жаждой перемен и страстью к поездкам и странствиям по морю и горам вплоть до входящих в моду полетов на воздушном шаре. Новые научные дисциплины, такие как всеобщая история и естественнонаучная антропология, требуют внимания. Меняются интересы, биографии и социальные структуры. Ода Гельдерлина «Жизненный путь» заканчивается стихами:

Стерпит все человек, – сказано так с небес, –
Возмужав, обретет благодаренья дух
И, постигнув свободу,
В жизнь ворвется, что вольный ветр¹.

Эта свобода прорыва в движение, имплицитно заключающая в себе призыв к ответственности перед самим собой, не имеет ничего общего с гетерономным архетипом кающегося пилигрима, крестоносца или странника поневоле Агасфера. У светского *mundanus* совсем другие движущие мотивы и цели. Книге Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» предпослан эпиграф из поэмы В.К. Тредиаковского «Тилемахида» (1766), восходящей к сюжету «Одиссеи» и являющейся русским переводом просветительского

¹ Перевод Олега Комкова: <http://olkomkov.narod.ru/index/0-153>. Ср. немецкий оригинал:

Alles prüfe der Mensch, sagen die Himmlischen,
Daß er, kräftig genährt, danken für alles lern,
Und verstehe die Freiheit,
Aufzubrechen, wohin er will.

воспитательного романа Ф. Фенелона «Странствия Телемака» (ок. 1700). И Фенелон, и Радищев подверглись за свои книги правительственным репрессиям. Ни Фенелона, ни Дидро (который как-никак побывал в России), ни Радищева в Обломовке не читают, и если вообще читают, то только «Россияду» Хераскова [1. С. 136]. Имя Радищева для обломовцев (разумеется, в ироническом дискурсе повествователя-Гончарова) – всего лишь имя корреспондента, который просит прислать ему «рецепт пива», которое хорошо варят в Обломовке. Но дождался ли этот проситель вождельного рецепта, «неизвестно» [Там же. С. 135–136], невзирая на то, что «главную заботою» обломовцев «была кухня и обед» [Там же. С. 110]. Неприкрытый материализм не имеет ничего общего с просвещением и открытием мира по архетипу Одиссея. И насколько быстро и неуклонно «сладко-медвяный» соблазн может привести к фагомании (т.е. болезненной склонности к обжорству) и забвению долга, Гомер показал в эпизоде «Одиссеи» на острове лотофагов (Песнь IX, ст. 91–102): наслаждаясь «вкусным лотосом» «мирных лотофагов», спутники Одиссея слишком легко и быстро готовы отказаться от возвращения на родину ради соблазнов «мирного уголка» [5. С. 135]. Для Обломова же стремление в «мирный уголок» Обломовки [1. С. 99] или дома Агафьи становится роковым. Оседлость и обжорство противопоставлены тому, кто руководствуется импульсом Одиссея в своем миропонимании.

4. *Fabula docet*: «Сей басни такова мораль»

Типичные жанры литературы Просвещения – воспитательный роман, мещанская трагедия, автобиография (не агиографическая) и басня. Об этой последней напоминает финал романа «Обломов», в котором Гончаров еще раз эксплицитно высказывается в пользу назидания. Штольц называет знакомому литератору причину деградации и гибели Обломова – так сказать, ставит заключительный диагноз, – произнося знакомое читателю с главы 4 части II романа словечко «обломовщина». И далее финальный абзац романа гласит:

Обломовщина! – с недоумением повторил литератор. – Что это такое? – Сейчас расскажу тебе: дай собраться с мыслями и памятью. А ты запиши: может быть, кому-нибудь пригодится.

И он рассказал ему, что здесь написано [Там же. С. 493].

Гончаров демонстрирует в этом финале не только свою обычную страсть к доходчиво закругленной фабуле, но и весьма ассоциативное басенной морали (*fabula docet*) заключение. Суггестивная поэзия и трезвая учительная проза идут рука об руку со времен Горация и его заповеди «поучать (*prodesse*) забавляя (*delectare*)» (Гораций, «Наука поэзии», ст. 343–344)¹, которая в русском классицизме приобрела форму «полезное увеселение». Гоголь посмеялся над требованием приносить пользу в финале повести «Нос» [35. С. 75]²; Гончаров вернул ему былую серьезную настоятельность.

Типология басенной морали, *fabula docet*, и образность басни очень разнообразно представлены в романе Гончарова. Одним из лейтмотивов романа является периодически возникающий водный мотив в своем прямом – река, течение, берег, океанская ширь, и обратном – заболоченность, обезвоживание, пересыхание – значениях. Восхождение на горы и мореплавание – это типичные символы инициации, становления и созревания личности. В отличие от Штольца и Ольги Обломов ничего так сильно не боится, как водной шири и горных высот. Эти традиционные символические образы возвышенного повергают его, как и всех обитателей Обломовки, в состояние, близкое к ужасу. Обломов не хочет быть «гладиатором для арены», он хочет быть «мирным зрителем боя» на берегу «течения жизни» [Там же. С. 474]. Если жизнь Обломова в доме Агафьи уподоблена «постепенной осадке ила» [Там же. С. 377], то «разлив жизни» Штольца и Ольги подобен «разливу широкой реки» [Там же. С. 423]. В финале же романа обе жизни – Ольги и Штольца – «слились в одно русло» [Там же. С. 452].

У И.А. Крылова есть басня под названием «Пруд и река». Пруд высоко ценит свое стоячее существование лежащих вод (ср. «Лежу и в неге, и в покое»), презирает житейскую суету и предается беззаботным псевдофилософическим снам наяву в своей неподвижности. Однако в финале он высыхает и становится пустым местом, пробелом. Река же, напротив, заботится о свежести и чистоте своих вод, о продолжительности своего существования, о прогрессе и о славе: «Она течет поныне». Во имя усиления рационально-плакатного воздействия в духе просветительской эстетики мораль басни гласит:

¹ Ср.: «Всех соберет голоса, кто смешает приятное с пользой, // И улаждая людей, и на истинный путь наставляя» [34. С. 392]. Перевод М.Л. Гаспарова.

² О журнале «Полезное увеселение» см.: [36. С. 27, 37, 93].

Так дарование без пользы свету вянет,
Слабея всякий день,
Когда им овладеет лень
И оживлять его деятельность не станет [37. С. 105].

Крылову понадобилось пятьдесят стихов, чтобы высказать то, что Гончаров изложил на пятистах страницах. Несомненно, Гончаров совершенно обдуманно и сознательно заставил своего героя Андрея Штольца в юности заучивать наизусть басни Крылова и читать «Гилемахиду» Тредиаковского [1. С. 152] – это автобиографическая деталь, ассоциативно вводящая в подтекст романа и басни Эзопа, читанные молодым Гончаровым.

Образный комплекс *источник–речка–ручей–река–струя–поток–пруд–фонтан* и тому подобное является типичным топосом русской басенной поэзии. Как правило, образ реки связан с мобильностью, плодотворностью, свободой и «пользой для общества» [38. С. 99 и след., 325] (М.М. Херасков, Ф.Н. Глинка). Напротив, образ «ленивого пруда», постоянно сопровождаемый мотивами стоячей воды и болотной растительности (тина), становится воплощением процесса упадка вплоть до полного зарастания и застоя. Его мутная и, значит, темная вода боится света – соответственно, просвещения [Там же. С. 323] (Ф.Н. Глинка)¹. Но есть предостережения и другого рода. Неукротимый поток способен разрушать дома, а слишком далеко заводящее мореплавание для заносчивого смельчака, который полагается на «слепую Фортуну» и не придерживается принципа «умеренности» [Там же. С. 196, 219 и след.] (Г.Р. Державин, И.И. Дмитриев), может стать зловещим предзнаменованием грозящей опасности утратить «покой души».

Здесь речь идет о древнем горацянском мотиве *procul negotiis* (Эпод II. Ст. 1)²: наряду с необходимостью временами осуществленного, временами являющегося просто занятием *negotium* (дело), у человека есть право на *otium* (отдых), желательно, конечно, на *otium cum dignitate* (заслуженный отдых). У древних римлян были такие места отдохновения, которые в наше время называются «загородными виллами» (*Otiumvillen*, М. Томбрегель [40]). В моральном

¹ Историю рецепции басенного сюжета см.: [39].

² Ср.: «Блажен лишь тот, кто, суеты не ведая...» [34. С. 219]. Перевод А. Семёнова-Тян-Шанского.

смысле любое *otium* предполагает последующий *neg-otium*. Гончарову, несомненно, был хорошо знаком Эпод II Горация «*Beatus ille, qui procul negotiis...*»: он цитирует этот стих в «Обыкновенной истории» [41. С. 366].

Сюжет «Одиссеи» тоже нашел свое отражение в басне. В необыкновенно длинном тексте Лафонтена Одиссей описан как образцовый герой, обладающий мужеством, чувством меры и стойкостью. Этими разумными добродетелями он отличается от своих спутников, которые подобны большинству людей своей безрассудной слепотой; Одиссей же представлен как *exemplum virtutis*, эталон добродетели. Однако басенные сюжеты, связанные с образом Одиссея, требуют особого разговора.

Басня – дидактический жанр. В одной из басен Эзопа есть формула *pathēmata – mathēmata*: страдание – учение, т.е. страдание ведет к познанию. У Эсхила встречается вариант этой формулы: *páthei máthos*: страдание учит.

В предшествующей эпилогу заключительной главе романа Гончарова «Обыкновенная история» его герой, романтик-идеалист и мечтатель Александр Адуев, приходит к убеждению, что «страдания очищают душу» человека и «возвышают его». Кто не знает страданий, тот «не был причастным всей полноте жизни»; только «ежеминутная борьба» и постоянное стремление вперед, а не «застой, сон», суть признак осуществившегося бытия [Там же. С. 450]. Слезы страдания Обломова свидетельствуют, конечно, о том, что теоретически он осознает свою несостоятельность, однако эти слезы не побуждают героя к действию, могущему изменить положение вещей. У Ольги и Штольца все иначе. В страданиях Ольги Штольц видит «расплату за Прометеев огонь», которому он энергично полагает пределы ради пользы самой же Ольги. Кто желает слишком многого, подвержен «общему недугу человечества» [1. С. 461]. Неудовлетворенность Обломова коренится в дефиците, неудовлетворенность Ольги – в избытке. И то и другое может быть проявлением «бесплодного ума» [Там же. С. 456]¹. Однако умерить избыток легче, чем пополнить дефицит. Идеалы Штольца устремлены к сохранению равновесия и меры, а также к проблемам воспитания [Там же. С. 220, 451].

¹ О «бесплодности» Обломова см. во вступительной части данной статьи.

Но и для него, как и для Ольги, и вообще для любого человека одиссеевского типа актуален стих Менандра, который Гете предположил в качестве эпиграфа своей автобиографии «Поэзия и правда»: «Ὁ μὴ δαρεῖς ἄνθρωπος οὐ παιδεύεται» («Кто не страдал, не может быть воспитанным»)¹. В 1810 г. Гете писал воспитателю веймарского принца Константина Карлу Людвигу фон Кнебелю (1744–1834): «Наше коренное зло состоит в недостатке внимания к первоначальному воспитанию. Но в нем по большей части заключается весь характер, все бытие будущего человека». У не воспитанного в свое время Обломова нет будущего. Если любовь Ольги отдана «будущему Обломову» [1. С. 370] с надеждой на «будущее счастье», значит, у этой любви тоже нет будущего. Эта катастрофа предсказана задолго до того, как ей предстоит произойти: в «Сне Обломова», в эпизоде мечтаний не способной как следует воспитать избалованного Илюшу матери Обломова о «блистательной эпопее» [Там же. С. 114], героем которой должен стать ее сын. Но Обломовка – не Итака, и такой будущности у Илюши нет.

5. Краткая история вопроса

Уже беглый обзор исследований, посвященных творчеству Гончарова, убеждает в том, что проблема античной и, в частности, гомеровской традиции в лучшем случае является в них вполне маргинальной. Гомеру не уделено особого внимания ни в общих работах, посвященных биографии и творчеству Гончарова (Мазон, Алексеев, Эре, Сечкарев, Краснощекова и др.), ни в специальных исследованиях о поэтике романа «Обломов», вошедших в изданные Бодо Зелински сборники «Der russische Roman» [42, 43], хотя, конечно, в них есть попутные упоминания Гомера, интерес Гончарова к которому отмечал уже Мережковский. Немногочисленные эти упоминания, однако, не имеют статуса самостоятельно значимой цели исследования. И в общих работах, поднимающих проблему рецепции Гомера в России, если только я не ошибаюсь, о романах Гончарова нет речи [44]². Разумеется, не исключено и то, что я могу не знать каких-нибудь

¹ Русский эквивалент: «за битого двух небитых дают». – О.Л.

² Гончаров в монографии А.Н. Егунова не упоминают.

публикаций на эту тему в периодических изданиях или в сборниках научных статей¹.

Некоторое внимание уделено проблеме отношения Гончарова к Винкельману – главным образом потому, что Гончаров переводил отрывки из Винкельмана, но позже уничтожил этот перевод [46. С. 219]. В 1938 г. литературовед А.П. Рыбасов (1907–1961) отважился заявить, что Гончаров создал образ Андрея Штольца под влиянием работ Винкельмана, согласно древнегреческому эталону образцового героя. Штолец и Тушин изображены как эллины, как совершенные человеческие индивидуальности. Тем самым Гончаров впервые предложил русской литературе «сильные, цельные характеры» героев, которые являют собой идеальное воплощение «героизма» как в нравственной позиции, так и в конкретном деле [47]. И там же (§ 16) Рыбасов добавил, что вплоть до настоящего момента связи Гончарова с западноевропейской литературой остаются совершенно неизученными. Эти высказывания вызвали протест в советском литературоведении, и Рыбасов был вынужден отказаться от своей «провокации»: в главе, посвященной роману «Обломов» в его монографии «И.А. Гончаров» (серия «Жизнь замечательных людей», 1957), нет упоминаний о Винкельмане, об «эллинском» идеале цельности и о лакуне в научно-исследовательской литературе [48. С. 223–254]. Совершенно понятно, однако, что это было просто необходимым маневром: с одной стороны, Рыбасов продолжает именовать Штольца «гармонически цельным человеком» с «тонкими потребностями духа», с другой – называет его «дельцом буржуазной складки», приверженным «капиталистическому прогрессу» и отмечает, что «идеальные черты в Штольце только декларированы автором» [Там же. С. 242–246]. К.Ю. Лаппо-Данилевский проанализировал эти противоречивые высказывания в своей монографии о рецепции Винкельмана в России [49. С. 339–346]².

Так продолжалось около 50 лет, до тех пор пока исследователь творчества Гончарова Владимир Мельник, ссылаясь на замечания Рыбасова, не поднял вопрос об античных реминисценциях Гончарова, заговорив о «богатейших возможностях», которые дает этот угол

¹ Известную мне работу [45] нельзя признать удовлетворительно решающей эту проблему.

² О рецепции Винкельмана см. также: [50, 51].

зрения. По мнению исследователя, в романе «Обломов» античность является всепроникающим историческим и *нравственным* фоном всего его действия, и именно античный идеал цельности является корректирующим нравственным контрастом для той картины осколочного существования Обломова и обитателей Обломовки, которая воссоздана писателем. Обломовка – отнюдь не идиллия, но «уродливая метаморфоза» античных идеалов, признак и символ «духовной смерти» [52. С. 109–124] (глава «Современность и история. Античные мотивы у И.А. Гончарова»). Прозрение Мельника тоже было воспринято критически, главным образом со стороны тех исследователей, которые всерьез видели в Обломовке эскиз подлинной идиллии, не замечая того, что образы Обломовки и дома Агафьи кажутся идиллическими только на первый взгляд¹. К сожалению, в своих последующих работах о Гончарове Мельник не стал развивать наблюдения над гомеровским субстратом образности романа, сосредоточившись на религиозных аспектах мировоззрения и творчества Гончарова как писателя-христианина [56, 57].

В 1994 г. независимо от Рыбасова и Мельника Ханс Роте проанализировал травелог «Фрегат “Паллада”» в сопоставлении с мифом об аргонавтах и увидел основополагающий концепт реализма Гончарова в прямом и метафорическом смыслах мотива «жизненного пути» [58]. И еще раньше, хотя и не обращаясь к архетипу гомеровской «Одиссеи», Роте счел мотив путешествия основной темой русской литературы и опытной основой познания мира [59]. Почему эти выразительные и перспективные индикации до сих пор остаются не развернутыми следующим поколением литературоведов, объяснить трудно.

Тем не менее в 1997 г. американская славистка Эми Синглтон дала главе одной из своих работ название «Обломов Гончарова как Одиссей» [60. С. 69–92]. В ней развита мысль о том, что «Одиссея» для Гончарова – это «гомеровский пародийный подтекст» романа, призванный выстроить вокруг образа Обломова комико-иронический контекст, проливающий свет на кажущуюся «амбивалентность» его аксиологической смысловой доминанты. Для Синглтон важно прежде всего «комическое расхождение текста и подтек-

¹ Ср. наблюдения противоположного характера [53. С. 94 и след., 104 и след.]. Более осторожных взглядов придерживаются [54, 55].

ста», анализируя которое исследовательница выявляет любопытные случаи возникновения «гомеровских мотивов». Однако эта сосредоточенность на пародийном плане параллели приводит к огорчительной редукции проблемы. Синглтон рассматривает только «антигомеровскую» фигуру Обломова, оставляя совершенно без внимания прямое воплощение архетипа Одиссея в образе Андрея Штольца. Эта избирательность подхода сказывается в игнорировании литературного контекста эпохи и научно-исследовательской литературы: в работе Синглтон не упомянуты ни перевод «Одиссеи» Жуковского, ни «Фрегат “Паллада”», ни сибирская тема, ни, наконец, Винкельман, Энгельгардт, Рыбасов, Мельник и Роте. *Use it or lose it*. Следует надеяться, что томское издание «Полного собрания сочинений» Жуковского будет очень полезно для разработки этой темы; кроме того, хотелось бы указать на главу «Теодиссея Жуковского» в монографии И.Ю. Веницкого «Дом толкователя» [7. С. 235–261], а краеугольный камень в изучении русской рецепции Винкельмана (в том числе и Гончаровым) заложен К.Ю. Лаппо-Данилевским [49].

В недавно появившейся Гомеровской энциклопедии, в которую сообразно со значимостью этого аспекта включены сведения о влиянии Гомера на мировую литературу, есть раздел «Гомер в славянских литературах» [61. С. 390–395]. Но в части раздела, посвященной русской литературе, Гончаров, впрочем, тоже не упомянут.

6. Всемирный странник и нищий: архетип Одиссея у Гончарова

В своих автобиографических текстах Гончаров оставил свидетельства своих стараний изучить греческий и латинский языки и той большой роли, которую поэмы Гомера сыграли в формировании его мировоззрения [46. С. 218, 222; 62. С. 231 и след., 246, 250]. В истории русской литературы «Одиссея» приобрела статус литературного эталона как минимум начиная с ранних переводов времен «Тилемахиды» Тредиаковского (1766) и херасковской «Россияды» (1779) и далее – в политике образования, проводимой грекофилом Уваровым [5; 7; 44; 63; 64]. Регулярные признания русских писателей в значимости для них поэм Гомера красной нитью тянутся от Гоголя до Толстого и Бунина. Для многих из них наряду с сакральными библейскими текстами поэмы Гомера были основополагающим свет-

ским кодексом эстетического и нравственного самовоспитания. В библиотеке Гончарова имелся перевод «Илиады» Н.И. Гнедича [65. С. 32–33]. Жуковский посвятил свой перевод первых песен «Одиссеи» великому князю Константину Николаевичу (1827–1892). Великий князь был опытным моряком в ранге адмирала и военноморского министра, возглавлял Комитет для пересмотра и дополнения Общего свода Морских уставов. Константин Николаевич был также командиром военного брига «Улисс» и фрегата «Паллада» (на котором позже ходил Гончаров), он прошел маршрутом Одиссея и вдохновил Гончарова на его кругосветное плавание. Жуковский называл великого князя «северным» или «русским Одиссеем» [7. С. 254–255; 66]. Ханс Роте считает Жуковского «возможно, самым убежденным приверженцем образовательного путешествия» [59. С. 285]. Даже Достоевского, апологета морали смирения, «Илиада» увлекла до того, что он воспел ей хвалу как выражению «вечного идеала жизненной силы», истинной красоты и цельности – идеала, который может «облагородить» зашедшую слишком далеко робость мысли [67. С. 95–96].

И в романе «Обломов» периодически, как нечто само собой разумеющееся, упоминаются Гомер, «Илиада» и «Одиссея»; эти упоминания – ни в коем случае не образный декор и не простое жонглирование именами, *name-dropping*, но косвенный комментарий, подтекст–претекст–контекст романа, который необходимо учитывать для понимания его смыслов, тем более если мы не будем упускать из вида собственное кругосветное плавание Гончарова на фрегате «Паллада». Уже Александр Адуев не хотел «гаснуть» в русской провинции, но путешествием покорить себе жизнь: «Пора, пора! <...> необходимо ехать: нельзя же погибнуть здесь» [41. С. 448].

Под влиянием своего учителя Трегубова (1774–1849), служившего в Черноморском флоте, сам Гончаров уже в ранней молодости мечтал о путешествиях морем и сушей, читал знаменитые записки о путешествиях от Дж. Кука до «Космоса» Гумбольдта, имея при этом в виду огромные успехи «Гомеровых героев»-мореплавателей [68. С. 9–10; 69. С. 402, 541 и след.; 70. С. 580]. Во время кругосветного плавания чтение записок моряков и описаний экспедиций стало еще более интенсивным. Первое отдельное издание «Фрегата “Паллада”» (1858) Гончаров тоже посвятил великому князю Константину Николаевичу (возможно, по ассоциации с «Одиссеей» Жуковского? [69. С. 450]),

а в предисловии к этому изданию, написанном другом Гончарова И.И. Лъховским (1829–1867), путевые записки о плавании на «Палладе» были названы «скромной Одиссеей» [69. С. 531].

Довольно старый, построенный еще в 1831–1832 гг. фрегат «Паллада» (трехмачтовый корабль длиной около 50 м) вообще-то был непригодной к дальнему плаванию посудиною – и не только с современной точки зрения; во время плавания Гончарова он неоднократно терпел на море бедствия, а в июле 1853 г. между Гонконгом и островом Бонин в Тихом океане даже попал в тайфун [68. С. 294 и след.; 69. С. 404–405, 602–603]. Эти опасности оставили по себе «злую память» [68. С. 300]. Б.М. Энгельгардт описал напряжение и смертельную опасность плавания на «Палладе» со всей наглядностью. Травелог «Фрегат “Паллада”» с описанием «героического похода» и совершенно неромантических переживаний его участника явился своего рода концентратом «всей тематики» гончаровского творчества. Просветленный, таинственный мир чудес уступил место миру тяжелой, но созидательной работы, которой исполнена история европейской цивилизации. Наряду с романами Гончарова «Фрегат “Паллада”» – это ниспровержение «русского романтизма» [71. С. 225–269] (Глава «Фрегат “Паллада”»)¹. Впрочем, Энгельгардт ничего не говорит о гончаровской рецепции Гомера, Винкельмана или Шиллера – возможных источников антиромантизма русского писателя.

Во время путешествия на фрегате «Паллада» Гончаров упоминал в письмах о своем намерении написать «Путешествие вокруг света <...> И. Обломова» [69. С. 467–468]². Некоторые исследователи расценивают эти заявления как чисто иронические [Там же. С. 467. Примеч. 3]. Конечно, иронию и шутку нельзя совсем сбрасывать со счетов, но это не должно отвлекать внимания от других аспектов, поскольку Гончаров тут же добавляет, что и русский путешественник должен отвечать за себя и быть самостоятельным: не все же тосковать по «матушке России» и рассчитывать на помощь ее чиновников и прислужников. Подобные высказывания позже появятся и в романе «Обломов». К тому же Гончаров размышлял, не дать ли своему роману пейоративное название «Обломовщина». Двухлетнее

¹ Очевидно, что до сих пор опубликованы не все тексты Энгельгардта (ср.: [Там же. С. 403, 538]). Откуда эта лакуна? См. также: [72. С. 722–760, 845 и след.].

² См. также [71. С. 260].

плавание на «Палладе» окончательно открыло ему глаза на ту силу, которая может двинуть Россию вперед – на это способны не пустопорожние обломовцы, но только «русские одиссеи»¹. В письме Н.А. Майкову и его жене от конца 1852 г. Гончаров задается полухитрым вопросом, не дорос ли он в качестве летописца эпопеи «Паллады» до эпика à la Гомер, а в 1874 г., вспоминая об этом путешествии, замечает со столь же полухитрой-полусерьезной гордостью, что в экспедицию «Паллады» «укладываются вся “Одиссея” и “Энеида”» [68. С. 738]². Обратный путь на родину через Сибирь в конце экспедиции писатель сравнивает возвращением Одиссея на Итаку к семье и домашнему очагу [Там же. С. 632] (ср.: [72. С. 491, 823]). В «Фрегате Паллада» и связанных с травелогом текстах (письмах, воспоминаниях) немало таких упоминаний Гомера и аргонавтов – они заслуживают специального внимания, но для наших целей вполне достаточно и приведенных примеров.

Переехав к Агафье на Выборгскую сторону, Обломов тем самым помогает ей подняться в «зенит своей жизни», но сам он рушится в окончательную утрату «идеалов», в «простой и широкий гроб» своей угасающей жизни, которая, как это и было предсказано, заканчивается «апоплексическим ударом» [1. С. 472–475]. В своей «идиллии» Агафья расцветает и, глядя на свой заботливо ухоженный кухонный мир, произносит: «Бог труды любит!» [Там же. С. 471]. Но Обломов сбегает в мир своей «норки мыши» и тем самым, как в Обломовке, ему удается «дешево отделяться от жизни» [Там же. С. 473]. Чтобы описать нездоровую атмосферу той жизни, которой живет Агафья – полной, но замкнутой в стены кухни, повествователь романа нуждается в

<...> пере другого Гомера, чтоб исчислить с полнотой и подробностью все, что скоплено было во всех углах, на всех полках этого маленького ковчега домашней жизни [Там же. С. 470].

Это опять интерференция (само)иронии и серьезности. После того как Жуковский воздвиг себе монумент в русской литературе своим переводом «Одиссеи» Гомера, ни один русский писатель, кроме Толстого, не мог всерьез сравнивать себя с Гомером. Однако гоме-

¹ Ср. также интересные наблюдения в [73]. Правда, Гомер бегло упомянут только один раз.

² См. также: [72. С. 574, 627].

рическая картина кругосветных скитаний очень хорошо могла служить масштабом образа «европейского человека». В своей статье «Об Одиссее, переводимой Жуковским» Гоголь назвал эпопею Гомера «самым нравственным произведением» и провозгласил в качестве главной задачи человеческой жизни не только терпение в страданиях, но и преодоление препятствий: «<...> человеку везде, на всяком поприще, предстоит много бед, что нужно с ними бороться, — для того и жизнь дана человеку» [74. С. 238, 239]. «Неутомимый Одиссей» — созданный «поэтом всех поэтов» пример для каждого человека. На фоне Гомера, перевода Жуковского и их интерпретации Гоголем отступательное существование Обломова и, главное, сомнительность такой жизненной позиции должны выступить еще более отчетливо.

Андрей Штольц, который изучал географические карты еще ребенком и став, взрослым, поехал по миру, путешествует с Ольгой по Европе, Обломов же отказывается от чтения записок о путешествиях или географических открытиях уже через несколько страниц — это нежелание имеет лейтмотивный характер. В начале романа доктор советует Обломову оздоровительное морское путешествие в Америку, а Штольц составляет для него план путешествия «вдоль и поперек Европы» вплоть до Везувия. Позже Ольга лукаво осведомляется, какую книгу, не о путешествии ли в Африку, читает Обломов [1. С. 194]. Только путешествие, осуществленное с умным познавательным интересом, имеет смысл, в противном случае, как гласит древняя пословица, «*Caelum, non animus mutant, qui trans mare currunt*»¹.

Обломов — чисто виртуальный путешественник в своем воображении, Ольга и Штольц — реальные путешественники, хотя и в пространстве литературного вымысла; Гончаров — реальный путешественник в пространстве реального мира. Уже в этой парадигме оседлость Обломова приобретает особый смысл. Замысел и воплощение у Обломова расходятся, тогда как Штольц и Ольга достигают гармонической согласованности в намерениях и поступках.

То же самое можно сказать и по поводу очень важной темы романа — устройства домашней жизни и состояния недвижимой собственности героев. Штольц с юности питает намерение обзавестись

¹ «Только ведь небо меняет, не душу — кто за море едет» [34. С. 344] (Послания, I. 11. Ст. 27. Перевод Н.С. Гинцбурга).

собственным четырехэтажным домом – и успешно реализует этот план [1. С. 159]. Ольга с помощью своего поклонника барона фон Лангвагена тоже обеспечивает за собой свое наследственное имение – и это неоднократно акцентировано в тексте романа восклицаниями: «Какой дом! Сад! <...> свое имение» и т.п. [Там же. С. 343]. Прежде чем окончательно переселиться в свое имение, уже женатые Штольц и Ольга обосновываются на берегу моря в Крыму, в домике скорее скромном (коттедже), излучающем, однако, «теплую жизнь», «эстетическое чувство» и «сияющем красотой человеческого дела» [Там же. С. 447]. Это – триумф положительно сформированной добродетели, гражданина мира с русским уклоном.

Напротив, Обломов четырехэтажный дом лишает солнца:

Обломов тихо, задумчиво переворачивается на спину и, устремив печальный взгляд в окно, к небу, с грустью провожает глазами солнце, великолепно садящееся за чей-то четырехэтажный дом. И сколько, сколько раз он провожал так солнечный закат! [Там же. С. 66].

И Обломовка Ильи Ильича (до того как ее спасением занялся Штольц) соответствует своему говорящему имени все более глубоким упадком, и «вторая Обломовка» дома Агафьи на Выборгской стороне тоже впадает в моральное запустение к концу романа. Возвращение владельцу и восстановление фамильного наследия более чем угрожаемы – так же, как это было с домом Одиссея к моменту его возвращения на Итаку к Пенелопе. Постоянно повторяемая как Штольцем, так и повествователем альтернатива «Теперь или никогда!» [Там же. С. 182, 185, 265, 388] для Обломова, без помощи Штольца, может стать только застоем – «никогда». «Теперь» – это прерогатива Штольца, которому Обломов поручил воспитание своего названного в честь него сына Андрияши: только Штольц может сделать из него Телемака. Итог: с одной стороны, гомеровский Одиссей, его выросший борцом и воином сын Телемак и Пенелопа; с другой – гончаровский Обломов, его отданный из семьи на воспитание сын Андрияша и Агафья: Итака – не Обломовка.

Там, где царит упадок, рождается нищета. В последних главах Захар после смерти Обломова становится нищим, и будущий автор-повествователь романа выслушивает из уст Штольца «историю этого нищего» [Там же. С. 492] в ответ на свой экзистенциальный вопрос «как можно сделаться нищим?» [Там же. С. 490]. И это – подготовка к последнему вопросу романа: «Обломовщина! <...> Что это такое?».

Анисья и Обломов мертвы, а Захар и Агафья вынуждены жить в недостойной зависимости, в которой они повинны сами не менее, чем воспитавшая их система. «Обломовская система воспитания» ведет к зависимости, нищенству и закату. Домик Агафьи приходит в упадок главным образом потому, что подвергся вторичному налету паразита-«братца» и его прихлебателя Тарантьева. Любовь Агафьи к Обломову зиждется на иерархической вертикали – Обломов для нее не только любовник и муж, но с начала и до конца, прежде всего – барин [1. С. 488], сообразно с тем, как и в Обломовке с древних времен царило «господское право» [Там же. С. 9]. С образом Штольца изначально связано понятие «бюргерские права» [Там же. С. 154]. Соответственно, Штолец и Ольга обретают друг друга, «поменявшись правами» [Там же. С. 408, 421], и осознанно выстраивают свою жизнь на основе равноправия, даже если поначалу Штолец и выступает в роли «воспитателя». Равноправие достойных – это ситуация Одиссея и Пенелопы, архетипическая для просветительской системы. В трудах, посвященных «Одиссее» Гомера, не только Хоркхаймер и Адорно употребляют выражение «гражданин (бюргер) Одиссей». Воспитывая Андрюшу Обломова, Штолец и Ольга стремятся привить ему способность принимать решения и испытывать от этого радость, но вырастет ли сын Обломова «русским Телемаком», останется неизвестным. Однако если вчитаться в педагогические письма Гончарова – например, к С.А. Никитенко (1840–1901) – об убожестве «обломовского воспитания», о «болоте» и «летаргическом сне наших обломовок», которым ничего не известно об истинном назначении человека, то станет ясно моделирующее значение Гомера и «Одиссеи» как идеальной альтернативы обломовщине: Гомер и «гомеровская эпоха» постоянно служат Гончарову точкой отсчета и критерием оценки современности [75. С. 216, 284 и след.].

Начиная с поэмы «Одиссея» образ убогого нищего является сквозным в европейской литературе. Когда Одиссей возвращается на Итаку после двадцатилетнего скитания по морю и по жизни, его богиня-покровительница Афина Паллада превращает его в старого нищего, чтобы он, оставаясь неузнанным под шапкой-невидимкой этой внешности, мог выяснить, как обстоят дела в его бывшем доме и государстве. Это прежде всего испытание нравственности и верности. В его доме свили себе гнездо похотливые паразиты, желающие убить его сына и наследника Телемака и принудить к новому заму-

жеству его жену Пенелопу, чтобы захватить ее и его достояние. Одиссей узнает, что все его пастухи и слуги, и прежде всего «разумная Пенелопа», остались ему верны и чувствуют себя глубоко оскорбленными паразитической надменностью так называемых женихов. Гомер постоянно подчеркивает, что уважения заслуживают только «упорная забота», «труд непомерный» и «мужество бранное», а не распутство со служанками, лень и расточение чужой собственности (ср. в переводе Жуковского: «Плод же тяжелых забот пожирают без платы другие». Одиссея. Песнь XIV. Стих 417 [5. С. 215]).

Все это соотносимо с оппозицией обломовщины и гомеровского героя-Штольца. Устами Штольца, гончаровского героя-резонера, высказаны апология защиты дома и собственности, принципиальное нежелание жить за «чужой счет», «найти виноватого вне себя», а также сформулирован идеал энергии, жажды знаний и жизненной силы: старание и труд – это «<...> образ, содержание, стихия и цель жизни, по крайней мере моей» [1. С. 182]¹. В то время, когда повествователь восклицает: «Сколько Штольцев должно явиться под русскими именами!» [Там же. С. 164], – Обломов говорит о себе и себе подобных: «Наше имя – легион» [Там же. С. 184], – что является скрытой аллюзией на образ «нечистых духов» в Евангелии от Марка: «...легион имя мне, потому что нас много» (Мк. 5, 9). Этот легион весьма преуспел в искусстве прокрастинации² и извлечении выгоды из экстрактивной системы хозяйствования. В самом начале поэмы «Одиссея» Зевс объясняет свой гнев на смертных тем, что они всегда стремятся обвинить в своих бедах не себя, а других³.

Обломовцы избегают «вечных стремлений» [Там же. С. 121], т.е. напряжения, страстей, путешествий и всяческой «битвы с жизнью» [Там же. С. 455]. Им неведом принцип тумоса. Их жизненная норма –

¹ Позже Гончаров подтвердил, что Штолец действительно является «представителем труда, знания, энергии, словом, силы», хотя бы и как «просто идея» [75. С. 113, 115]. Эту идею можно ретроспективно проследить вплоть до Гомера.

² Прокрастинация – откладывание. В психологии: склонность к постоянному откладыванию даже важных и срочных дел, приводящая к жизненным проблемам и болезненным психологическим эффектам. – *О.Л.*

³ «Странно, как смертные люди за все нас, богов, обвиняют! // Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто // Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?» (Одиссея. Песнь I. Ст. 32–34) [5. С. 29].

рождение, свадьба, похороны: по этому поводу комментарий повествователя гласит: «...терялся слабый человек» [1. С. 117], – т.е. за обрядом и размеренным течением жизни обломовцы «забывали самого человека» [Там же. С. 123]. Их идеал – сидеть на берегу спокойной реки и «наблюдать неизбежные явления, которые по очереди, без зову, представляли пред каждого из них» [Там же. С. 122]. Первые понятия о героизме – или по крайней мере о прилежании – маленький Илюша черпает исключительно из нянькиных сказок о подвигах былинных «наших Ахиллов и Улиссов». Эти рассказы рождают в воображении ребенка

<...> Илиаду русской жизни, созданную нашими гомеридами тех туманных времен, когда человек еще не ладил с опасностями и тайнами природы и жизни, когда он трепетал и перед оборотнем, и перед лешим [Там же. С. 116–117].

Иронический пуант этого повествовательного сюжета заключается в том, что воображаемый мир фантазии основательно опровергнут реальностью обломовщины. Обломов дает себе очень точную характеристику: «Да, я скуден, жалок, нищ... бейте, бейте меня!» [Там же. С. 371].

В отличие от Штольца и Ольги Обломов панически боится всего, что воплощает собой «поток» и «арену» жизни и требует от человека жизненной позиции «гладиатора»¹. Он не только терпит паразитирующих прихлебателей («братца», Тарантьева, даже Захара), но и паразитирует на самом себе. Одни поднимаются на жизненном пути во весь рост, Обломов ложится. Он становится мелким гедонистом, любящим вкусные пирожки, алкоголь и ничегонеделанье, мечтающим приласкать служанку и завести любовницу, пленившись, наконец, «голыми локтями» и «крепкой, как подушка дивана, <...> грудью» Агафьи [Там же. С. 298, 304]. Это не имеет ничего общего с так высоко ценимым Гончаровым «гуманитетом». Распутные служанки на Итаке закончили так же плохо, как и убитые Одиссеем женихи. Жертвой вымогательства «братца» Обломова делает в конечном счете его сладострастие. А Ольге Илья Ильич даже предлагает «другой путь к счастью» – стать его тайной возлюбленной – только чтобы избежать официальной помолвки и необходимости показываться в обществе [Там же. С. 203, 286].

¹ О лейтмотиве гладиатор / арена см.: [1. С. 55, 66, 377, 410, 474].

До своей идеальной Пенелопы Обломов не дорос¹, тогда как в «Одиссее», по словам Иоахима Латача, «узнавание супругов <...> является основной целью эпического сюжета». Пенелопа, достойно выдержавшая испытание разлукой с Одиссеем, по праву может называться богиней среди женщин (*Dia gynaikōn*); Ольга является Обломову как *Casta diva* (чистая богиня) в мимолетном порыве возвышенного чувства – об Агафье же в этой связи вообще не стоит говорить. Пенелопа и Одиссей – испытанная пара с прочным будущим, воплощающая в себе идеал любовной пары; взаимная любовь Обломова и Ольги / Агафьи – только мнимый и половинчатый, следовательно, обманчивый идеал любви. Жизнь и любовь не может ни постигнуть, ни завоевать какой-нибудь Обломов, которому для этого необходимо несбыточное для него преображение; это удел обладающего ясным зрением типологически гомеровского героя Андрея Штольца.

Соответствующую оппозицию можно наблюдать и в перипетиях узнавания в романе «Обломов» и в поэме «Одиссея». Когда Штолец после долгого перерыва навещает Обломова в доме на Выборгской стороне, он едва может узнать своего опустившегося у Агафьи друга и приходит в ужас при виде «ямы, болота» [1. С. 482], которые поймали-таки Обломова. Подлинный нищий в образе Захара предстает перед ним в финале романа. Водворению Обломова во «второй Обломовке» [Там же. С. 389, 484] у Агафьи предшествует эпизод с встречающей его злой цепной собакой – она прикована цепями к Выборгской стороне так же, как это вскоре случится с Обломовым. У Гомера тоже есть эпизод с собакой, старым псом Одиссея Аргусом, который первым узнает своего хозяина под личиной оборванного нищего². Далее осуществляется полный триумф узнавания (Одиссея узнают Телемах, Евриклея, Евмей), кульминационно увенчанный узнаванием Пенелопы и отца Одиссея, Лаэрта. Для героя Гомера встреча и узнавание идут по восходящей линии счастья, для героя Гончарова – по нисходящей линии несчастья.

¹ В ранних редакциях романа «Обломов» в связи с описанием жизни Штольца и Ольги возникает ассоциация с Пенелопой [76. С. 494]. Следует отметить и появление имени Винкельмана в этих редакциях: Обломов, влюбившись в Ольгу, «опять принялся за Винкельмана» [Там же. С. 465].

² Одиссея. Песнь XVII. Ст. 291–312 [5. С. 253].

Люди-обломки из Обломовки не способны избавиться от своих заблуждений и вступить на восходящий путь развития без участия инициативного подобно Одиссею Андрея Штольца. Только тот, на чьей стороне Афина Паллада, символ разума, силы и меры, может отыскать ключ, которым открывается дверь в мир культуры и порядка. Но, как неоднократно подчеркивает Гончаров, обломовцы потеряли ключ к жизни. Напротив, Агафья, как «ключница», заведует всеми ключами к своему материально-кухонному миру, а Штолец-Одиссей ищет ключа к целостности бытия, в котором он – в отличие от Обломова – «не терялся никогда»¹. Им движет гордость деятельного человека, покинувшая Обломова². Итака – пространство *vita activa*, Обломовка – обитель *vita passiva*.

7. Заключение: Одиссей versus «сон разума»

Средиземное море и Греция – колыбель европейской культуры³. «Илиада» и «Одиссея» стали манифестами опыта мореплавания, основания городов, воинского мужества и колонизации новых земель. С точки зрения разума мифология как проявление веры в богов перешла в доверие к цивилизаторским возможностям человека – вплоть до возникновения римского права. В предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» Кант назвал древних греков народом, «достойным удивления». Освободительная борьба Греции в 1820-х гг. именно в России встретила широкий отклик. Параллельно наблюдается процесс оживления интереса к Гомеру и своего рода томление по гомеровской героике. Кант и Гегель остро критикуют аркадский миф и трогательную идиллию⁴. Просветительская идеология плохо совмещается с руссоизмом. Сквозные гомеровские реминисценции Гончарова могут быть прочитаны как отречение от уютной стагнации бидермейера. Его симпатией не пользовались ни

¹ О мотиве «ключа» см.: [1. С. 117, 162, 164, 315, 449].

² Апологию деятельной жизни (мотивы труда, деловой жизни, занятого человека) см.: [1. С. 61–62, 121, 181–182, 247, 392, 422, 453, 471].

³ О «средиземноморском комплексе» наряду с работами Фернана Броделя см.: [77–82]. В [81. С. 43] находим следующее утверждение: «Комплекс Средиземноморья создала “Одиссея”».

⁴ См. об этом подробно: [10].

«бедный поэт» К. Шпицвега¹, ни «поэт-мечтатель» Обломов: Гончаров презирал «идиллию конца работы» в духе какого-нибудь Леберехта Хюнхена [83]².

Андрей Штольц изначально должен был называться Андреем Почаевым – т.е. «начинателем», свойствами характера которого являются инициатива, индивидуальность, нравственное достоинство и приверженность прогрессу³. Андреем звался первый призванный Христом апостол (Андрей Первозванный), образу которого – в качестве одного из святых покровителей России – впоследствии принадлежала выдающаяся роль в русской религиозной и государственной символике. Флаг военно-морских сил России носит изображение Андреевского креста; античность и христианство пересекаются в общей точке. Гончаров был вдвойне осведомлен о расколе «идеальности и идеализации», с одной стороны, и «крайнего несовершенства» человека – с другой. Между идеалом и действительностью может лежать пропасть; тяга к странствиям и жажда риска постоянно сталкиваются с робостью и апатичной вялостью. Гончаров прозорливо отличал порожденную изнеженностью и духовной расслабленностью «скотскую апатию» от благородной, философски обоснованной и берущей свое начало в долгой жизненной борьбе «резигнации» и «усталости души»⁴. Постгероика не должна опускаться до привитой воспитанием инерции, поэтому требовательное воспита-

¹ Имеется в виду известная картина немецкого художника, одного из ярчайших представителей стиля бидермайер, Карла Шпицвега (1808–1885) «Бедный поэт», изображающая лежащего на диване в мансарде под протекающей крышей и укрывшегося зонтиком поэта. – *О.Л.*

² О «бидермейерном счастье» см.: [84]. Зайдель Генрих (1842–1906) – немецкий писатель, автор стихов и рассказов; наибольшей популярностью пользовались сборники рассказов о Леберехте Хюнхене (Leberecht Hühnchen). Талантливый рассказчик, Зайдель с мягким, добродушным юмором рисует в идиллическом плане жизнь мелкого бюргерства, его радости и печали; любимые герои Зайделя – чудачки и наивные мечтатели, прекрасно чувствующие себя в своем маленьком замкнутом мире.

³ О вариантах антропонимов см.: [76. С. 442–443, 600–601, 681, 686]. В ранних редакциях Почаев – образ, параллельный образу Штольца. См. также: [70. С. 42 и след.].

⁴ См. письма Гончарова И.И. Льховскому от 5/17 ноября 1858 г. [75. С. 252–253], Е.А. и С.А. Никитенко от 16/28 августа <1860> г. [75. С. 306–307], С.А. Никитенко от 21 августа / 2 сентября <1866> г. [75. С. 318–319].

ние на высоких образцах – например, в духе идеала пайдейи с оглядкой на Гомера – представляется тем более важным [85]¹. Гончаров понимал литературу как мышление великими образами, поэтому он писал медленно и с трудом². Гомер тоже создал великие образы. *Historia magistra vitae*?³ XIX век – век истории, которая была главным предметом классического образования.

В 1814 г. К.Н. Батюшков написал стихотворение «Судьба Одиссея» (опубликовано в 1817) – вольный перевод эпиграммы Шиллера «Одиссей». Называя своего героя-мореплавателя «душой высокой» и «богобоязненным страдальцем», Батюшков, как и Шиллер, видит трагизм его судьбы в том, что по возвращении на Итаку он «отчизны не познал» [88. С. 233–234]. В письмах этих лет Батюшков, участник битвы народов под Лейпцигом, пишет о «моей Одиссее» и сравнивает себя с «воинами Гомера» [Там же. С. 544]⁴ – те, кто в эти годы выезжал из России, охотно величали себя «вторым Одиссеем». И Гоголь, подобно многим другим, писал о том, как необходимо «проездиться» именно русским – для того чтобы избавиться от провинциализма и привычки «валиться на боку»⁵.

Организуемые в России начиная с XVIII в. экспедиции по исследованию Сибири некоторым образом способствовали актуализации архетипа Одиссея применительно к национальным условиям. В записках об этих путешествиях Азия больше не предстает как континентальная масса непроходимых дебрей или бесконечно далекая от реальности романтика, подобная несколько более позднему литературному образу Кавказа. Азиатские пространства воспринимаются

¹ Пайдейя (др.-греч. παιδεία – воспитание детей) – категория древнегреческой философии, соответствующая современному понятию «образование»; определенная модель воспитания. Развивается в сочинениях Платона и Аристотеля. Античная проблематика, связанная с этим понятием, строилась вокруг идеи влияния на природу человека. Поэтому пайдейя иногда интерпретируется как «культивация», ведущая к созданию культуры. – *О.Л.*

² См. об этом: [86. С. 209 и след.].

³ Ср.: «История – свидетель времен, свет истины, жизнь памяти, учительница жизни, вестница старины <...>» (Цицерон. Об ораторе. II, 9, 36) [87].

⁴ Образ Одиссея возникает и в знаменитом стихотворении Батюшкова «Странствователь и домосед» (Ст. 90 [Там же. С. 310]).

⁵ Ср. соответствующие главы в [89] («Споры», «Нужно проездиться по России», «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность?»). См. также обширный конспект путешествия П.-С. Палласа: [90. С. 277–414].

скорее как объект приложения просветительских усилий, научной мысли, как пространство упорядочивающего мироустройства вновь открываемых земель; в этой парадигме нет места мнимой деятельности и агорафобии à la Обломовка. Бабушкины сказки в обоих смыслах этих слов не могут создать мир для Одиссея. Когда плавание Гончарова на фрегате «Паллада» закончилось на крайней восточной оконечности России, он сожалел, конечно, о разлуке с морем, но и радовался надежности твердой земли, не забыв при этом помянуть Итаку (см. цитированное выше высказывание). Между ним и Петербургом лежало 10 000 верст сибирского бездорожья: «Какая огромная Итака, каково нашим Улиссам добираться до своих Пенелоп!» [68. С. 633]. Но где Итака и Пенелопа, там не обойтись без Одиссея: «Нас всех, Улиссов <...>» [Там же. С. 635]. И это не просто словесная перестрелка шуток и самодовольства, но – в самом конце путешествия – сознание огромных масштабов подлежащих решению задач, перед которыми стоит распространяющая свои границы и меняющаяся Россия. В этой связи Гончаров снова и снова употребляет слово «цивилизация» – а ее нельзя достигнуть в компании «равнодушных, отсталых, ленивых, сонных». Мир нельзя открыть, руководствуясь принципом Эпикура *Lathe biōsas!* (Живи незаметно!), здесь нужен категорический императив Канта: *Publice age!* (Действуй публично!).

Как замечает Гончаров в одном из писем начального периода плавания на «Палладе» (декабрь 1852), чтобы понять другие народы и вообще мир, нельзя концентрироваться на голых фактах, надо искать «ключ к ним» – и Гончаров хочет искать именно этот ключ. Без «ключа к мирозерцанию» японцев, без «ключа» к их общественному строю невозможно ввести в Японии ни христианство, ни «просвещение» [Там же. 35, 314, 448, 470]. Мы помним о том, что далекие от просвещения обломовцы потеряли ключ к жизни; напротив, просвещенный Штольц им обладает. Слово «ключ» и его производные – это поистине ключевое слово романа «Обломов» и маркер состоявшегося жизненного пути, *navigatio vitae*. Дело цивилизации Сибири требовало поистине новаторской работы, и Сибирь как пространство неограниченных возможностей – абсолютный антоним обломовской топофобии¹.

¹ О комплексе «сибирского цивилизаторства» см.: [73. С. 313 и след.].

Для того чтобы открывать мир – и Сибирь в том числе – необходимо воспитание человека-Одиссея: его нужно императивно отправить в мир, а он должен сознательно принять необходимость уйти в мир. Так был воспитан Андрей Штольц: прогресс вместо регресса. *Sub specie* Гомера это можно прокомментировать так: жизненный путь под знаком тумоса, сочетания прав и обязанностей, позитивного понятия «гордости» и агонального принципа *aemulatio* (соревновательность)¹. Конечно, разум должен контролировать тумос и гордость, а невозмутимость духа – уравнивать их. Ни в коем случае это не означает воинственности или мегаломании, и мы, сегодняшние читатели антивоенной литературы, знакомые с романом Арнольда Цвейга «Воспитание под Верденом» (1935), знаем это слишком хорошо. И Гончаров тоже это знал.

Уход не должен вести к вторжению. Однако без убегающих из Обломовки Штольцев она падет в развалинах и станет кладбищем просвещения. Герман Гессе сказал в стихотворении «Ступени»:

Но только тот, кто с места сняться в силах,
Спасет свой дух живой от разложенья [94. С. 389]².

И Гойя знал, что «сон разума рождает чудовищ». Это очень похоже на предупреждение опасаться «сна души», высказанное Штольцем Обломову в главе «Сон Обломова» [1. С. 170]. Великие странники, Одиссей и Телемак, приняли вызов всех чудовищ и всего чудовищного – и созрели в борьбе. Отъезд и возвращение, борьба с жизнью и отступление у них равновесны. Бесчисленные русские писатели предостерегали своих читателей от сна разума и от чудовищ, рождаемых им. Книге Радищева предшествует эпитафия из «Тилемахиды» Тредиаковского: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй»³. В «Сне Обломова» преобладают предрассудки и «чудови-

¹ О понятии и предмете *aemulatio* см.: [91, 92]. Апологию самосознающей гордости см.: [93].

² Перевод С. Апта. Ср. немецкий оригинал: «Nur wer bereit zu Aufbruch ist und Reise, // Mag lähmender Gewöhnung sich entrafen» («Но лишь тот, кто готов к отъезду и путешествию, // Спасет себя от парализующей привычки»).

³ Некоторые исследователи творчества Гончарова, симпатизирующие Обломову, соотносят семантику фамилии «Обломов» не со словом «обломок», а со старославянским прилагательным «облый» (круглый). Для комментария этой версии достаточно вспомнить контекст стиха Тредиаковского – «чудище» еще хуже, чем «обломок».

ща», так что обломовская демонология порождает безрассудный ужас, в котором «терялся слабый человек» [1. С. 117]. Позже Булгаков даст своему антисоветскому рассказу «Собачье сердце» подзаголовок «чудовищная история».

«Сон разума» у Гойи означает, что недостаток просвещения вызывает из подсознания чудовищ(ное). В «Сне Обломова» Гончаров открытым текстом сообщает, что личность Илюши в раннем детстве приняла на себя отпечаток неразумной и избалованной «обломовской атмосферы» вполне «бессознательно», и это неотменно определило всю его жизненную позицию [Там же. С. 109, 116, 120, 123]. Ошибки воспитания в раннем детстве приносят свои плоды только после длительного инкубационного периода, и тогда даже Андрей Штольц, воспитанный по архетипу Одиссея, не в состоянии их исправить. Тем не менее Гомер остается высоким идеалом и точкой отсчета, в том числе и потому, что в 1849 г. об этом позаботился Жуковский, издавший в свет свой перевод «Одиссеи». В.В. Набоков заметил:

Русский читатель старой просвещенной России, конечно, гордился Пушкиным и Гоголем, но он также гордился Шекспиром и Данте, Бодлером и Эдгаром По, Флобером и Гомером, и в этом заключалась его сила [95. С. 41].

Основой образования, как считает далее Набоков, является обращение к истокам (источникам) знания: свободное чтение и свободная мысль: «Читатели рождаются свободными и должны свободными оставаться». Это положение он подкрепляет цитацией пушкинского стихотворения «Из Пиндемонти» (1836):

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому

Служить и угождать; для власти, для ливреи

Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи <...> [Там же. С. 42]¹.

Подобные признания суть выражение гражданской гордости, приверженности просвещению и идеалу «Одиссеи» – в противоположность Обломовке. Гомеровские идеалы Гончарова аналогичны – с тем только ограничением, что идеал может расходиться с действительностью, и, как это явствует из философии Канта, «идея человека

¹ О стихотворении Пушкина см.: [96].

как существа разумного может вполне развиваться только в масштабах рода, а не отдельного индивидуума» [97. С. 356]. И все же для Гончарова Гомер, особенно в «Одиссее», остается грандиозным живописцем конкретной реальности, будь то в описаниях мощной борьбы, будь то в картинах исполненных достоинства будней. 6 июня 1877 г. Гончаров написал бывшему министру внутренних дел П.А. Валуеву: «Что или кто был реальнее Гомера? Какая правда <...>» [70. С. 582].

*Перевод с немецкого О.Б. Лебедевой
(Томский государственный университет)*

Литература

1. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. СПб. : Наука, 1998. Т. 4: Обломов: роман в четырех частях. 496 с.
2. Словарь русского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1984. Т. 4. 800 с.
3. Thiergen P. Nachwort // Gontscharow I.A. Eine alltägliche Geschichte. Roman. München : Artemis & Winkler, 1989. S. 391–406.
4. Жуковский В.А. Письмо Д.П. Северину от 12 (24) мая 1849 г. // Русский архив. 1900. № 9–12. С. 47–48.
5. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Языки славянской культуры, 2010. Т. 6: Переводы из Гомера. 731 с.
6. Янушкевич А.С., Киселев В.С., Никонова Н.Е. Примечания // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Языки славянской культуры, 2010. Т. 6. С. 389–447.
7. Виноцкий И.Ю. Дом толкователя. Поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 328 с.
8. Жуковский В.А. Письмо императрице Александре Федоровне от 12 (24) октября 1843 г. // Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. СПб. : Тип. Императ. Академии наук, 1907. Вып. 1. С. 88–91.
9. Жуковский В.А. Письмо Н.В. Гоголю от 5 (17) ноября 1845 г. // Жуковский В.А. Собрание сочинений : в 4 т. М. ; Л. : ГИХЛ, 1960. Т. 4. С. 535–536.
10. Thiergen P. Literarische Arkadienbilder im Rußland des 18. und 19. Jahrhunderts // Arkadien und Europa / Hgg.: B. Heinecke, H. Blanke. Hundisburg : KULTUR-Landschaft Haldensleben-Hundisburg e.V., 2007. S. 169–193.
11. Жуковский В.А. Письмо великому князю Александру Николаевичу от 1 (13) января 1843 г. // Сочинения В.А. Жуковского : в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд. И.И. Глазунова, 1885. Т. 6. С. 445–451.
12. Жуковский В.А. Письмо К.А. Фарнгагену фон Энзе от 23 июня 1849 г. // Русский библиофил. 1912. Ноябрь–декабрь. С. 31.
13. Жуковский В.А. Письмо великому князю Константину Николаевичу. Конец 1849 г. // Сочинения В. Жуковского: с приложением писем, биографии / под ред. П.А. Ефремова. 7-е изд. СПб. : Издание И.И. Глазунова, 1878. Т. 6. С. 372–374.
14. Киселев В.С., Никонова Н.Е., Янушкевич А.С. и др. Летопись работы В.А. Жуковского над переводом «Одиссеи» (по материалам его эпистолярия) // Жуковский В.А.

Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Языки славянской культуры, 2010. Т. 6. С. 623–670.

15. Жуковский В.А. Письмо С.С. Уварову от 12 (24) сентября 1847 г. // Жуковский В.А. Собрание сочинений : в 4 т. М. ; Л. : ГИХЛ, 1960. Т. 4. С. 658–662.

16. Жуковский В.А. Письмо П.А. Плетневу от 22 ноября (4 декабря) 1851 г. (из копии письма Министру Просвещения, приложенной к письму Плетневу) // Сочинения и переписка П.А. Плетнева : в 3 т. СПб. : Тип. Императ. Академии наук, 1885. Т. 3. С. 718–719.

17. Thiergen P. Aufrechter Gang und liegendes Sein. Zu einem deutsch-russischen Kontrastbild. München: Bayerische Akademie der Wissenschafte, 2010. 100 s.

18. Кантенир Антиох. Собрание стихотворений. Л. : Советский писатель, 1956. 530 с.

19. Чехов А.П. Письмо А.С. Суворину от начала мая 1889 г. // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. М. : Наука, 1976. Т. 3. С. 201–202.

20. Hodel R. Alternativen zum Entwicklungsroman in Rußland // Der europäische Entwicklungsroman in Europa und Übersee. Literarische Lebensentwürfe der Neuzeit / Hgg.: H. Hillmann, P. Hühn. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001. S. 153–174.

21. Thiergen P. Deutsche Anstöße der frühen russischen Nihilismus-Diskussion des 19. Jahrhunderts. Paderborn : Nordrhein-Westfälische Akademie der Wissenschaften, 2008. 42 s.

22. Thiergen P. Schopenhauer in Rußland. Grundzüge der Rezeption und Forschungsaufgaben // Schopenhauer-Jahrbuch. 2004. № 85. S. 131–166.

23. Фет А.А. Стихотворения и поэмы. Л. : Советский писатель, 1986. С. 84.

24. Гете И.-В. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Художественная литература, 1976. Т. 2. 510 с.

25. Краснощекова Е.А. Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве. СПб. : Изд-во Пушкинского фонда, 2008. 480 с.

26. Steiner L. For Humanity's Sake. The Bildungsroman in Russian Culture. Toronto : University of Toronto Press, 2011. 280 p.

27. Zur Geschichte des deutschen Bildungsromans / Hg.: R. Selbmann. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1988. 436 s.

28. Andreae B. Odysseus. Archäologie des europäischen Menschenbildes. Frankfurt a. M. : Societäts-Verlag, 1982. 145 s.

29. Andreae B. Odysseus. Mythos und Erinnerung. Mainz : Philipp von Zabern, 1999. 400 s.

30. Horkheimer M., Adorno Th.-W. Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente. Frankfurt a. M. : GRIN Verlag, 2004. 219 s.

31. Fox R.L. Reisende Helden. Die Anfänge der griechischen Kultur im homerischen Zeitalter / Aus d. Engl. von Susanne Held. Stuttgart : Klett-Cotta, 2011. 551 s.

32. Malkin I. The Returns of Odysseus. Colonization and Ethnicity. Berkeley : University of California Press, 1998. 331 p.

33. Sloterdijk P. Zorn und Zeit. Politisch-psychologischer Versuch. Frankfurt a. M. : Suhrkamp Verlag, 2006. 356 s.

34. Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М. : Художественная литература, 1970. 479 с.

35. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. Т. 3. 728 с.
36. Русская периодическая печать (1702–1894). М. : ГИПЛ, 1959. 836 с.
37. Крылов И.А. Басни. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 637 с.
38. Русская басня / сост. В.П. Степанова. М. : Правда, 1986. 541 с.
39. Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р. Эзоп на Руси. Век XVII. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. 552 с.
40. Tombrägel Martin. Die republikanischen Otiumvillen von Tivoli. Wiesbaden : Reichert, 2012.
41. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. СПб. : Наука, 1997. Т. 1: Обыкновенная история; Стихотворения; Повести и очерки; Публицистика, 1832–1848. 832 с.
42. Rothe H. Gontscharow: Oblomow // Der russische Roman / Hg.: Bodo Zelinsky. Düsseldorf : August Bagel, 1979. S. 111–133, 411–413.
43. Herlth J. Ivan Gončarov: Oblomov // Der russische Roman / Hg.: Bodo Zelinsky. Köln, Weimar, Wien : Böhlau, 2007. S. 139–163, 503–507.
44. Езунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М. ; Л. : Наука, 1964. 438 с.
45. Пыrkov И.В. «Сон Обломова» и «Щит Ахилла» (гомеровские мотивы в поэтике И.А. Гончарова) // И.А. Гончаров : материалы Междунар. науч. конф., посвященной 190-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 66–72.
46. Гончаров И.А. Автобиографии // Гончаров И.А. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Художественная литература, 1980. Т. 7. С. 217–226.
47. Рыбасов А.П. Литературно-эстетические взгляды Гончарова // Гончаров И.А. Литературно-критические статьи и письма. Л. : Гослитиздат, 1938. С. 5–53.
48. Рыбасов А.П. И.А. Гончаров. 1812–1891. М. : Молодая гвардия, 1957. 376 с.
49. Lappo-Danilevskij K.Ju. Gefühl für das Schöne. Johann Joachim Winckelmanns Einfluss auf Literatur und ästhetisches Denken in Russland. Köln, Weimar, Wien : Böhlau, 2007. 366 s.
50. Heier E. Zu I.A. Gončarovs Humanitätsideal // Ivan A. Gončarov. Leben, Werk und Wirkung / Hg.: P. Thiergen. Köln, Weimar, Wien : Böhlau, 1994. S. 45–71.
51. Данилевский Р.Ю. Гончаров и немецкая литература // Ivan A. Gončarov. Leben, Werk und Wirkung / Hg.: P. Thiergen. Köln, Weimar, Wien : Böhlau, 1994. S. 353–364.
52. Мельник В.И. Реализм И.А. Гончарова. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1985. 139 с.
53. Ляпушкина Е.И. Русская идиллия XIX века и роман И.А. Гончарова «Обломов». СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 147 с.
54. Klein J. Gončarovs «Oblomov». Idyllik im realistischen Roman // Ivan A. Gončarov. Leben, Werk und Wirkung / Hg.: P. Thiergen. Köln, Weimar, Wien : Böhlau, 1994. S. 217–245.
55. Böhmig M. «Son Oblomova»: Idylle, Scheinidylle oder Bruchstückidylle? // Ivan A. Goncharov. Neue Beiträge zu Werk und Wirkung / Hg.: Anne Hultsch. Köln, Weimar, Wien : Böhlau, 2016. S. 45–88.
56. Мельник В.И. Этический идеал И.А. Гончарова. Киев : Лыбидь, 1991. 150 с.
57. Мельник В.И. Гончаров и православие. Духовный мир писателя. М. : Дарь, 2008. 544 с.

58. *Rothe H.* Das Traumschiff oder zur theoretischen Grundlegung des Realismus bei Gončarov // Ivan A. Gončarov. Leben, Werk und Wirkung / Hg.: P. Thiergen. Köln, Weimar, Wien : Böhlau, 1994. S. 105–124.

59. *Rothe H.* Reisen und Reiseerlebnisse in der russischen Literatur 1825–1855 // Reisen und Reisebeschreibungen im 18. und 19. Jahrhundert als Quellen der Kulturbeziehungsforschung / Hgg.: B.I. Krasnobaev et al. Berlin : Camen, 1980. S. 281–329.

60. *Singleton A.C.* Noplace Like Home: The Literary Artist and Russia's Search for Cultural Identity. New York : State University of New York Press, 1997. 193 p.

61. *Homer-Handbuch. Leben-Werk-Wirkung* / Hgg.: A. Rengakos, B. Zimmermann. Stuttgart, Weimar : J.B. Metzler, 2011. 451 s.

62. *Гончаров И.А.* Воспоминания. I. В университете // Гончаров И.А. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Художественная литература, 1980. Т. 7. С. 227–253.

63. *Thiergen P.* Studien zu M. M. Cheraskovs Versepos «Rossijada» : Phil. Diss. Bonn, 1970. 364 s.

64. *Гомер. Одиссея* / под ред. В.Н. Ярхо. М. : Наука, 2000. 482 с. (Серия «Литературные памятники»).

65. Описание библиотеки И.А. Гончарова : каталог. Ульяновск : Упрполиграфиздат, 1987. 119 с.

66. *Янушкевич А.С.* О посвящении и предисловии к переводу «Одиссеи» В.А. Жуковского // Гомер. Одиссея / под ред. В.Н. Ярхо. М. : Наука, 2000. С. 347–352.

67. *Достоевский Ф.М.* Ряд статей о русской литературе // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1978. Т. 18. С. 70–103.

68. *Гончаров И.А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. СПб. : Наука, 1997. Т. 2: Фрегат «Паллада»: очерки путешествия в двух томах. 746 с.

69. *Гончаров И.А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. СПб. : Наука, 1997. Т. 3: Фрегат «Паллада»: материалы путешествия; очерки; предисловия; официальные документы экспедиции. 848 с.

70. *Гончаров И.А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. СПб. : Наука, 1997. Т. 6: Обломов: роман в четырех частях. Примечания. 616 с.

71. *Энгельгардт Б.М.* Избранные труды / под ред. А.Б. Муратова. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. 328 с.

72. *Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада». Л. : Наука, 1986. 880 с.

73. *Краснощечкова Е.* «Фрегат “Паллада”» и «Обломов» (Взаимовлияния) // Ivan A. Gončarov. Leben, Werk und Wirkung / Hg.: P. Thiergen. Köln, Weimar, Wien : Böhlau, 1994. S. 305–318.

74. *Гоголь Н.В.* Об Одиссее, переводимой Жуковским : (письмо к Н. М. Я...ву) // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. С. 236–244.

75. *Гончаров И.А.* Собрание сочинений : в 8 т. М. : Художественная литература, 1980. Т. 8: Статьи, заметки, рецензии. Письма. 560 с.

76. *Гончаров И.А.* Обломов. Л. : Наука, 1987. 696 с. (Серия «Литературные памятники»).

77. *Richter D.* Das Meer. Geschichte der ältesten Landschaft. Berlin : Klaus Wagenbach, 2014. 240 s.

78. *Abulafia D.* Das Mittelmeer. Eine Biographie. Frankfurt a. M. : S. Fischer, 2013. 859 s.

79. *Schulz R.* Die Antike und das Meer. Darmstadt : Primus, 2005. 256 s.

80. *Timpe D.* Der Mythos vom Mittelmeerraum: Über die Grenzen der alten Welt // *Chiron*. 2004. № 34. S. 3–23.
81. *Horden P., Purcell N.* The Corrupting Sea. A Study of Mediterranean History. Oxford : Blackwell, 2000. 761 p.
82. *Гриechenland und das Meer* / Hgg.: E. Chrysos et al. Mannheim : Harrassowitz, 1999. 222 s.
83. *Seidel H.* Leberecht Hühnchen. Prosa-Idyllen. Frankfurt a. M. : Insel, 1985. 298 s.
84. *Weber A.* Immer auf dem Sofa. Berlin: Severin und Siedler, 1982. 311 s.
85. *Йегер В.* Пайдейя. Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем) / пер. с нем. М.Н. Ботвинника. М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997–2001. Т. 1. 594 с.; Т. 2. 336 с.
86. *Thiergen P.* «Pictoris nos ars delectat» (Vossius) oder «Der Dichter denkt in Bildern» // *Artium conjunctio: Kulturwissenschaft und Frühneuzeitforschung: Aufsätze für Dieter Wuttke* / Hgg.: P. Schöner, G. Hübner. Baden-Baden : Koerner, 2013. S. 199–217.
87. *Цицерон Марк Туллий.* Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М.Л. Гаспарова. М. : Наука, 1972. 470 с.
88. *Батюшков К.Н.* Опыты в стихах и прозе. М. : Наука, 1977. 608 с. (Серия «Литературные памятники»).
89. *Гоголь Н.В.* Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. С. 213–418.
90. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений : в 14 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 9: Наброски. Конспекты. Планы. Записные книжки. 684 с.
91. *Imitatio – aemulatio – variatio* / Hgg.: A. Rhoby, E. Schiffer. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010. 286 s.
92. *Aemulatio. Kulturen des Wettstreits in Text und Bild (1450–1620)* / Hgg.: J.-D. Müller et al. Berlin : De Gruyter, 2011. 909 s.
93. *Doehleemann M.* Mut zum Stolz und Hochmut. Bedingungen einer höheren Kultur. Berlin : LIT, 2011. 152 s.
94. *Гессе Г.* Паломничество в страну Востока. Игра в бисер. Рассказы. М. : Радуга, 1984. 592 с.
95. *Набоков В.* Лекции по русской литературе. СПб., 2010. С. 41.
96. *Rothe H.* Puškins «Iz Pindemonti» (1836). Zwei Kapitel über Erklärungen und Erklären // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2005/2006. № 64. S. 279–338.
97. *Mittelstraß J.* Kant und die Dialektik der Aufklärung // *Aufklärung und Gegenauflärung in der europäischen Literatur, Philosophie und Politik von der Antike bis zur Gegenwart* / Hg.: J. Schmidt. Darmstadt : Wbg Academic, 1989. S. 341–360.

OBLMOVKA AS ANTI-ITHACA: THE ODYSSEY ARCHETYPE IN I.A. GONCHAROV'S WORKS

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2018, 10, pp. 27–73. DOI: 10.17223/24099554/10/2

Peter Thiergen, University of Bamberg (Bamberg, Germany).

E-mail: peter@thiergen.de

Keywords: Homer, *Odyssey*, I.A. Goncharov, *Oblomov*, *Frigate “Pallada”*, archetype of *Odyssey*, problem of education, Bildungsroman.

The paper focuses on the understudied Homeric projections in *Oblomov* and early works by I.A. Goncharov. The writer begins with the “ordinary” plots of everyday Russian life to raise the problems of upbringing, education and life position. Before “Oblomov’s Dream” Russian literature had no other work that would provide such a subtle and unassuming analysis of a personality “formation”, which leads to a person’s life collapse. According to Goncharov, the evil of improper upbringing lies in having no upbringing, which was so commonplace, habitual and almost banal in Russia. In this paper, Homer’s projections are analysed against the background of the Russian reception of *Odyssey* and its translation by V.A. Zhukovsky, as well as the tradition of the education novel. Goncharov published his “Oblomov’s Dream” in 1849, when the long-awaited Zhukovsky’s translation of *Odyssey* came out to become the literary culmination of the year. Zhukovsky saw Homer’s poem as a prototype of the Bildungsroman that could become a model for the corresponding Russian genre. Homer’s epic offered simple, yet great examples of deeds transmitting indisputable truths and behaviour patterns, applicable to any person’s personal life position. The educational ideology faced incomparably greater difficulties on its way through the colossal space of provincial Russia than in European states with their developed urban culture. “Oblomov’s Dream” as well as Belinsky’s articles and works of other Russian Westernizers convey the idea that in Russia the maxim “education is light, ignorance is darkness” was often a theoretical postulate rather than a guide to action. Like Ilya Ilyich, Oblomovka’s residents consider school education and their obligation to teach peasants as a threat, while perceiving their own labour as punishment. As a result, Bildungsroman as a genre almost failed to become popular in Russia. Instead of the starry-eyed idealism and ideals of *kalokagaty* à la Winckelmann or Wieland, Russian novels are full of delusion and loss, motifs of resignation and renunciation, and plots telling about decay and destruction up to complete decline and degeneration. Goncharov emphasized the antique opposition between an active, educated, independent individual and a passive person, indifferent to knowledge and freedom. The archetype of a rational and vigorous last-ditcher epitomised by *Odyssey* became a guideline for the images of travelers, cosmopolitans and reformers, like Stolz in *Oblomov* and characters in *Frigate “Pallada”*. Opposed to them are Oblomov and Oblomovka, stagnating, degrading and slipping into poverty. This is the world where *Odyssey*’s motifs turn over to reveal the anti-ideality of Oblomov’s way of life.

References

1. Goncharov, I.A. (1998) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete Works and Letters. In 20 vols]. Vol. 4. St. Petersburg: Nauka.
2. Ozhegov, S.I. (1984) *Slovar’ russkogo yazyka: V 4 t.* [Dictionary of the Russian Language. In 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
3. Thiergen, P. (1989) Nachwort [Afterword]. In: Gontscharow, I.A. *Eine alltägliche Geschichte* [A Common Story]. Munich: Artemis & Winkler. pp. 391–406.
4. Zhukovsky, V.A. (1900) Pis’mo D.P. Severinu ot 12 (24) maya 1849 g. [Letter to D.P. Severin on May 12 (24), 1849]. *Russkiy arkhiv*. 9–12. pp. 47–48.

5. Zhukovsky, V.A. (2010) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete Works and Letters. In 20 vols]. Vol. 6. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
6. Yanushkevich, A.S., Kiselev, V.S. & Nikonova, N.Ye. (2010) Primechaniya [Notes]. In: Zhukovsky, V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete Works and Letters. In 20 vols]. Vol. 6. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 389–447.
7. Vinitsky, I.Yu. (2006) *Dom tolkovatelya. Poeticheskaya semantika i istoricheskoe voobrazhenie V.A. Zhukovskogo* [The Interpreter's House. Poetic Semantics and Historical Imagination by V.A. Zhukovsky]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Zhukovsky, V.A. (1843) Pis'mo imperatritse Aleksandre Fedorovne ot 12 (24) oktyabrya 1843 g. [Letter to Empress Alexandra Feodorovna dated October 12 (24), 1843]. In: Veselovsky, A.N. & Sobolevsky, A.I. (eds) *Pamyati V.A. Zhukovskogo i N.V. Gogolya* [In Memory of V.A. Zhukovsky and N.V. Gogol]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 88–91.
9. Zhukovsky, V.A. (1960a) Pis'mo N.V. Gogolyu ot 5 (17) noyabrya 1845 g. [Letter to N.V. Gogol of November 5 (17), 1845]. In: Zhukovsky, V.A. *Sobranie sochineniy: V 4 t.* [Collected Works. In 4 vols]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: GIKHL. pp. 535–536.
10. Thiergen, P. (2007) Literarische Arkadienbilder im Rußland des 18. und 19. Jahrhunderts [Literary Arcade Images in Russia in the 18th and 19th Centuries]. In: Heinicke, B. & Blanke, H. (eds) *Arkadien und Europa* [Arcadia and Europe]. Hundsburg: KULTUR-Landschaft Haldensleben-Hundsburg. pp. 169–193.
11. Zhukovsky, V.A. (1885) *Sochineniya V.A. Zhukovskogo: V 6 t.* [Works. In 6 vols]. 8th ed. Vol. 6. St. Petersburg: I.I. Glazunov. pp. 445–451.
12. Zhukovsky, V.A. (1912) Pis'mo K.A. Farnagenu fon Enze ot 23 iyunya 1849 g. [Letter to K.A. Farnagen von Enze dated June 23, 1849]. *Russkiy bibliofil*. November–December. pp. 31.
13. Zhukovsky, V.A. (1878) *Sochineniya V. Zhukovskogo: S prilozheniem pisem, biografii* [Works by V. Zhukovsky (including letters and biographies)]. 7th ed. Vol. 6. St. Petersburg: I.I. Glazunov. pp. 372–374.
14. Kiselev, V.S., Nikonova, N.Ye., Yanushkevich, A.S. et al. (2010) Letopis' raboty V.A. Zhukovskogo nad perevodom "Odissei" (po materialam ego epistolyariya) [The chronicle of V.A. Zhukovsky's work on the translation of *Odyssey* (based on his epistolary)]. In: Zhukovskiy, V.A. (2010) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete Works and Letters. In 20 vols]. Vol. 6. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 623–670.
15. Zhukovsky, V.A. (1960) *Sobranie sochineniy: V 4 t.* [Collected Works. In 4 vols]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: GIKHL. pp. 658–662.
16. Zhukovsky, V.A. (1885) Pis'mo P.A. Pletnevu ot 22 noyabrya (4 dekabrya) 1851 g. (Iz kopii pis'ma Ministru Prosveshcheniya, prilozhennoy k pis'mu Pletnevu) [Letter to P.A. Pletnev, November 22 (December 4), 1851 (From a copy of the letter to the Minister of Education attached to the letter to Pletnev)]. In: Pletnev, P.A. *Sochineniya i perepiska P.A. Pletneva: V 3 t.* [Works and Correspondence. In 3 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 718–719.
17. Thiergen, P. (2010) *Aufrechter Gang und liegendes Sein. Zu einem deutsch-russischen Kontrastbild* [To a German-Russian Contrast Picture]. Munich: Bayerische Akademie der Wissenschaften.

18. Kantemir, A. (1956) *Sobranie stikhotvoreniy* [Collected Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
19. Chekhov, A.P. (1976) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 30 t.* [Complete Collection of Works and Letters: In 30 vols]. Vol. 3. Moscow: Nauka. pp. 201–202.
20. Hodel, R. (2001) Alternativen zum Entwicklungsroman in Rußland [Alternatives to the education novel in Russia]. In: Hillmann, H. & Hühn, P. (2001) *Der europäische Entwicklungsroman in Europa und Übersee. Literarische Lebensentwürfe der Neuzeit* [The European education novel in Europe and overseas. Literary life plans of the modern era]. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. pp. 153–174.
21. Thiergen, P. (2008) *Deutsche Anstöße der frühen russischen Nihilismus-Diskussion des 19. Jahrhunderts* [German impulses of the early Russian nihilism discussion of the 19th century]. Paderborn: Nordrhein-Westfälische Akademie der Wissenschaften.
22. Thiergen, P. (2004) Schopenhauer in Rußland. Grundzüge der Rezeption und Forschungsaufgaben [Schopenhauer in Russia. Main features of the reception and research tasks]. *Schopenhauer-Jahrbuch*. 85. pp. 131–166.
23. Fet, A.A. (1986) *Stikhotvoreniya i poetry* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 84.
24. Goethe, I.-W. (1976) *Sobranie sochineniy: V 10 t.* [Collected Works: In 10 vols]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
25. Krasnoshchekova, E.A. (2008) *Roman vospitaniya – Bildungsroman – na russkoy pochve* [The Education Novel – Bildungsroman – in Russia]. St. Petersburg: Izd-vo Pushkinskogo fonda.
26. Steiner, L. (2011) *For Humanity's Sake. The Bildungsroman in Russian Culture*. Toronto: University of Toronto Press.
27. Selbmann, R. (ed.) (1988) *Zur Geschichte des deutschen Bildungsromans* [On the History of the German Bildungsroman]. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
28. Andrae, B. (1982) *Odysseus. Archäologie des europäischen Menschenbildes* [Odysseus. Archeology of the European Image of Man]. Frankfurt am Main: Societäts-Verlag.
29. Andrae, B. (1999) *Odysseus. Mythos und Erinnerung* [Odysseus. Myth and memory]. Mainz: Philipp von Zabern.
30. Horkheimer, M. & Adorno, Th.-W. (2004) *Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente* [Dialectic of Enlightenment. Philosophical Fragments]. Frankfurt am Main: GRIN Verlag.
31. Fox, R.L. (2011) *Reisende Helden. Die Anfänge der griechischen Kultur im homerischen Zeitalter* [Traveling heroes. The Beginning of Greek Culture in the Homeric Age]. Stuttgart: Klett-Cotta.
32. Malkin, I. (1998) *The Returns of Odysseus. Colonization and Ethnicity*. Berkeley: University of California Press.
33. Sloterdijk, P. (2006) *Zorn und Zeit. Politisch-psychologischer Versuch* [Anger and Time. Political and Psychological Experiment]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
34. Horace Flaccus Quint. (1970) *Ody. Epody. Satiry. Poslaniya* [Odes. Epods. Satire. Epistles]. Translated from Latin. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
35. Gogol, N.V. (1938) *Polnoe sobranie sochineniy: V 14 t.* [Complete Works: In 14 vols]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: USSR AS.
36. Dementiev, A.G., Zapadov, A.V. & Cherepakhov, M.S. (eds) (1959) *Russkaya periodicheskaya pechat' (1702–1894)* [Russian periodicals (1702–1894)]. Moscow: GIPL.

37. Krylov, I.A. (1956) *Basni* [Fables]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
38. Stepanova, V.P. (ed.) (1986) *Russkaya basnya* [Russian Fables]. Moscow: Pravda.
39. Tarkovsky, R.B. & Tarkovskaya, L.R. (2005) *Ezop na Rusi. Vek XVII* [Aesop in Russia. The Eighteenth Century]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
40. Tombrägel, M. (2012) *Die republikanischen Otiumvillen von Tivoli* [The republican Otiumvilla von Tivoli]. Wiesbaden: Reichert.
41. Goncharov, I.A. (1997) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete Works and Letters. In 20 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka..
42. Rothe, H. (1979) Gontscharov: Oblomow [Goncharov's "Oblomov"]. In: Zelinsky, B. (ed.) *Der russische Roman* [The Russian Novel]. Düsseldorf: August Bagel. pp. 111–133, 411–413.
43. Herlth, J. (2007) Ivan Gončarov: Oblomov [Ivan Goncharov: "Oblomov"]. In: Zelinsky, B. (ed.) *Der russische Roman* [The Russian Novel]. Cologne, Weimar, Vienna: Böhlau. pp. 139–163, 503–507.
44. Yegunov, A.N. (1964) *Gomer v russkikh perevodakh XVIII – XIX vekov* [Homer in Russian translations of the 18th – 19th centuries]. Moscow; Leningrad: Nauka.
45. Pyrkov, I.V. (2003) ["Oblomov's Dream" and "Achilles Shield" (Homer's motifs in I.A. Goncharov's style)]. *I.A. Goncharov* [I.A. Goncharov]. Proc. of the International Conference. Ulyanovsk. pp. 66–72. (In Russian).
46. Goncharov, I.A. (1980) *Sobranie sochineniy: V 8 t.* [Collected Works. In 8 vols]. Vol. 7. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 217–226.
47. Rybasov, A.P. (1938) Literaturno-esteticheskie vzglyady Goncharova [Goncharov's literary and aesthetic views]. In: Goncharov, I.A. *Literaturno-kriticheskie stat'i i pis'ma* [Literary and critical articles and letters]. Leningrad: Goslitizdat. pp. 5–53.
48. Rybasov, A.P. (1957) *I.A. Goncharov. 1812–1891* [I.A. Goncharov. 1812–1891]. Moscow: Molodaya gvardiya.
49. Lappo-Danilevsky, K.Ju. (2007) *Gefühl für das Schöne. Johann Joachim Winckelmanns Einfluss auf Literatur und ästhetisches Denken in Russland* [Feeling for the beautiful. Johann Joachim Winckelmann's influence on literature and aesthetic thinking in Russia]. Cologne, Weimar, Vienna: Böhlau.
50. Heier, E. (1994) Zu I.A. Gončarovs Humanitätsideal [On I.A. Goncharov's ideal of humanity]. In: Thiergen, P. (ed.) *Ivan A. Gončarov. Leben, Werk und Wirkung* [Ivan A. Goncharov. Life, Work and Effect]. Cologne, Weimar, Vienna: Böhlau. pp. 45–71.
51. Danilevsky, R.Yu. (1994) Goncharov i nemetskaya literatura [Goncharov and German literature]. In: Thiergen, P. (ed.) *Ivan A. Gončarov. Leben, Werk und Wirkung* [Ivan A. Goncharov. Life, Work and Effect]. Cologne, Weimar, Vienna: Böhlau. pp. 353–364.
52. Melnik, V.I. (1985) *Realizm I.A. Goncharova* [I.A. Goncharov's Realism]. Vladivostok: Far East University.
53. Lyapushkina, E.I. (1996) *Russkaya idilliya XIX veka i roman I.A. Goncharova "Oblomov"* [Russian idyll of the 19th century and I.A. Goncharov's "Oblomov"]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
54. Klein, J. (1994) Gončarovs "Oblomov". Idyllik im realistischen Roman [Goncharov's "Oblomov". An idyll in a realistic novel]. In: Thiergen, P. (ed.) *Ivan A. Gončarov. Leben, Werk und Wirkung* [Ivan A. Goncharov. Life, Work and Effect]. Cologne, Weimar, Vienna: Böhlau. pp. 217–245.

55. Böhmig, M. (2016) Son "Oblomova": Idylle, Scheinidylle oder Bruchstückidylle? ["Oblomov's Dream": Idyll, pseudo-idyll or fragments of idyll?]. In: Hultsch, A. (ed.) *Ivan A. Goncharov. Neue Beiträge zu Werk und Wirkung* [Ivan A. Goncharov. New Contributions to Work and Influence]. Cologne, Weimar, Vienna: Böhlau. pp. 45–88.

56. Melnik, V.I. (1991) *Eticheskii ideal I.A. Goncharova* [The Ethical Ideal of I.A. Goncharov]. Kyiv: Lybid'.

57. Melnik, V.I. (2008) *Goncharov i pravoslavie. Dukhovnyy mir pisatelya* [Goncharov and Orthodoxy. The Spiritual World of the Writer]. Moscow: Dar'.

58. Rothe, H. (1994) Das Traumschiff oder zur theoretischen Grundlegung des Realismus bei Gončarov [The dream ship or the theoretical foundation of Goncharov's realism]. In: Thiergen, P. (ed.) *Ivan A. Gončarov. Leben, Werk und Wirkung* [Ivan A. Goncharov. Life, Work and Effect]. Cologne, Weimar, Vienna: Böhlau. pp. 105–124.

59. Rothe, H. (1980) Reisen und Reiseerlebnisse in der russischen Literatur 1825–1855 [Travel and travel experiences in Russian Literature of 1825–1855]. In: Krasnobaev, B.I. et al. (ed.) *Reisen und Reisebeschreibungen im 18. und 19. Jahrhundert als Quellen der Kulturbeziehungs-forschung* [Travel and Travelogues in the 18th and 19th Centuries as Sources of Cultural Relations Research]. Berlin: Camen. pp. 281–329.

60. Singleton, A.C. (1997) *No Place Like Home: The Literary Artist and Russia's Search for Cultural Identity*. New York: State University of New York Press.

61. Rengakos, A. & Zimmermann, B. (eds) (2011) *Homer-Handbuch. Leben-Werk-Wirkung* [Homer Handbook. Life-Work-Influence]. Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler.

62. Goncharov, I.A. (1980) *Sobranie sochineniy: V 8 t.* [Collected Works in 8 vols]. Vol. 7. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 227–253.

63. Thiergen, P. (1970) *Studien zu M. M. Cherskovs Versepos "Rossijada"* [Studies on M.M. Kheraskov's epic poem "Rossiad"]. Phil. Diss. Bonn.

64. Homer. (2000) *Odisseya* [Odyssey]. Translated from Ancient Greek. Moscow: Nauka.

65. Nikitina, N.I., Sukaylo, V.A. & Kukueva, A.I. (1987) *Opisanie biblioteki I.A. Goncharova: Katalog* [I.A. Goncharov's Library Description: A Catalog]. Ulyanovsk: Uppoligrafizdat.

66. Yanushkevich, A.S. (2000) O posvyashchenii i predislovii k perevodu "Odissei" V.A. Zhukovskogo [On the dedication and preface to the translation of "Odyssey" by V.A. Zhukovsky]. In: Homer. *Odisseya* [Odyssey]. Translated from Ancient Greek. Moscow: Nauka. pp. 347–352.

67. Dostoevsky, F.M. (1978) *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vols]. Vol. 18. Leningrad: Nauka. pp. 70–103.

68. Goncharov, I.A. (1998) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete Works and Letters. In 20 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka.

69. Goncharov, I.A. (1998) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete Works and Letters. In 20 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: Nauka.

70. Goncharov, I.A. (1998) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete Works and Letters. In 20 vols]. Vol. 6. St. Petersburg: Nauka.

71. Engelhardt, B.M. (1995) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

72. Goncharov, I.A. (1986) *Fregat "Pallada"* [Frigate "Pallada"]. Leningrad: Nauka.

73. Krasnoshchekova, E. (1994) "Fregat 'Pallada'" i "Oblomov" (Vzaimovlianiya) ["Frigate 'Pallada'" and "Oblomov" (Mutual Influences)]. In: Thiergen, P. (ed.)

Ivan A. Gončarov. *Leben, Werk und Wirkung* [Ivan A. Goncharov. Life, Work and Effect]. Cologne, Weimar, Vienna: Böhlau. pp. 305–318.

74. Gogol, N.V. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy: V 14 t.* [Complete Works: In 14 vols]. Vol. 8. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 236–244.

75. Goncharov, I.A. (1980) *Sobranie sochineniy: V 8 t.* [Collected Works in 8 vols]. Vol. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

76. Goncharov, I.A. (1987) *Oblomov* [Oblomov]. Leningrad: Nauka.

77. Richter, D. (2014) *Das Meer. Geschichte der ältesten Landschaft* [The Sea. History of the Oldest Landscape]. Berlin: Klaus Wagenbach.

78. Abulafia, D. (2013) *Das Mittelmeer. Eine Biographie* [The Mediterranean. A Biography]. Frankfurt am Main: S. Fischer.

79. Schulz, R. (2005) *Die Antike und das Meer* [Ancient Times and the Sea]. Darmstadt: Primus.

80. Timpe, D. (2004) Der Mythos vom Mittelmeerraum: Über die Grenzen der alten Welt [The Myth of the Mediterranean: On the borders of the ancient world]. *Chiron*. 34. pp. 3–23.

81. Horden, P. & Purcell, N. (2000) *The Corrupting Sea. A Study of Mediterranean History*. Oxford: Blackwell.

82. Chrysos, E. et al. (eds) (1999) *Griechenland und das Meer* [Greece and the Sea]. Mannheim: Harrassowitz.

83. Seidel, H. (1985) *Leberecht Hühnchen. Prosa-Idyllen* [Leberecht Hühnchen. Prose idylls]. Frankfurt am Main: Insel.

84. Weber, A. (1982) *Immer auf dem Sofa* [Always on the Sofa]. Berlin: Severin und Siedler.

85. Jaeger, W. (1997–2001) *Paydeyya. Vospitanie antichnogo greka (epokha velikikh vospitateley i vospitatel'nykh sistem)* [Paideia. Education of the ancient Greek (the era of great educators and educational systems)]. Vol. 1. Translated from German by M.N. Botvinnik. Moscow: Greko-latinskii kabinet Yu. A. Shichalina.

86. Thiergen, P. (2013) “Pictoris nos ars delectat” (Vossius) oder “Der Dichter denkt in Bildern” [“Pictoris nos ars delectate” (Vossius) or “The poet thinks in pictures”]. In: Schöner, P. & Hübner, G. (2013) *Artium conjunctio: Kulturwissenschaft und Frühneuzeitforschung* [Artium Conjunctio: Cultural Studies and Early Modern Age Research]. Baden-Baden: Koerner. pp. 199–217.

87. Cicero Mark Tullius. (1972) *Tri traktata ob oratorskom iskusstve* [Three Treatises on Oratory]. Translated from Latin. Moscow: Nauka.

88. Batyushkov, K.N. (1977) *Opyty v stikhakh i proze* [Experiments in Poetry and Prose]. Moscow: Nauka.

89. Gogol, N.V. (1952a) *Polnoe sobranie sochineniy: V 14 t.* [Complete Works. In 14 vols]. Vol. 8. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 213–418.

90. Gogol, N.V. (1952b) *Polnoe sobranie sochineniy: V 14 t.* [Complete Works. In 14 vols]. Vol. 9. Moscow; Leningrad: USSR AS.

91. Rhoby, A. & Schiffer, E. (2010) *Imitatio – aemulatio – variation*. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

92. Müller, J.-D. et al. (eds) (2011) *Aemulatio. Kulturen des Wettstreits in Text und Bild (1450–1620)* [Aemulatio. Cultures of the Competition in Text and Image (1450–1620)]. Berlin: De Gruyter.

93. Doehlemann, M. (2011) *Mut zum Stolz und Hochmut. Bedingungen einer höheren Kultur* [Courage for Pride and Arrogance. Conditions of a Higher Culture]. Berlin: LIT.

94. Hesse, H. (1984) *Palomnichestvo v stranu Vostoka. Igra v biser. Rasskazy* [Journey to the East. The Game of Beads. Stories]. Moscow: Raduga.

95. Nabokov, V. (2010) *Lektsii po russkoy literature* [Lectures on Russian Literature]. St. Petersburg: Azbuka-Klassika. pp. 41.

96. Rothe, H. (2005/2006) Puškins “Iz Pindemonti” (1836). Zwei Kapitel über Erklärungen und Erklären [Pushkin’s “From Pindemonti” (1836). Two chapters on explanations]. *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 64. pp. 279–338.

97. Mittelstraß, J. (1989) Kant und die Dialektik der Aufklärung [Kant and the Dialectic of the Enlightenment]. In: Schmidt, J. (ed.) *Aufklärung und Gegen-aufklärung in der europäischen Literatur, Philosophie und Politik von der Antike bis zur Gegenwart* [Enlightenment and Counter-Enlightenment in European Literature, Philosophy and Politics from Antiquity to the Present]. Darmstadt: Wbg Academic. pp. 341–360.